

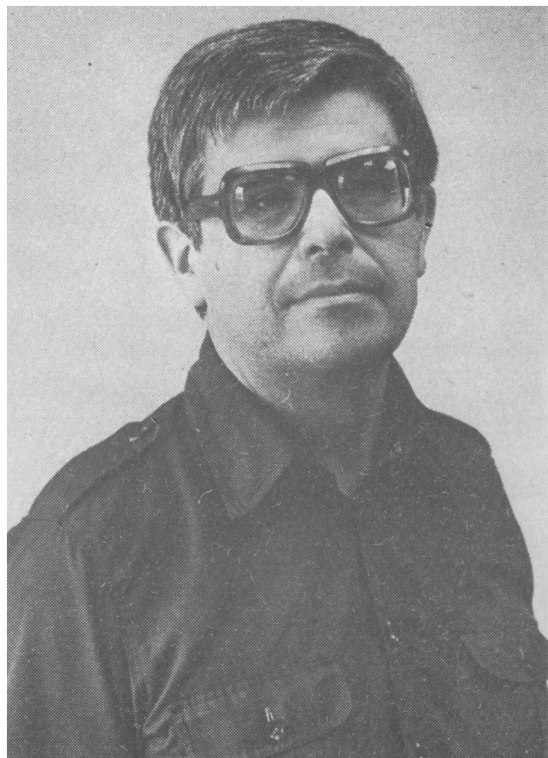
БИБЛИОТЕКА

МОСКВА

ISSN 0132-2095

№ 49 1991

Михаил ЗАРАЕВ

П Р О В И Н Ц И Я

БИБЛИОТЕКА «ОГОНЕК» № 49

Издается с января 1925 года

Михаил ЗАРАЕВ

ПРОВИНЦИЯ

ОЧЕРКИ

Москва. 1991

Михаил ЗАРАЕВ

Михаил Залманович Зараев (Румер) более тридцати лет в печати. Инженер-геодезист по образованию, он начинал свою журналистскую работу в многотиражке АЗЛК, заведовал отделом промышленности «Московской правды». Будучи спецкором «Сельской жизни», извездил всю страну. Публиковался в «Новом мире» времен Твардовского, журналах «Октябрь», «Знамя», «Звезда», «Искусство кино». Автор двух книг очерков, изданных «Советским писателем». В настоящее время работает заместителем редактора отдела публицистики «Огонька».

КАК ВОЗРОДИТЬ КУЛАКА

Семейная легенда

Где-то в начале сороковых в наших эвакуационных скитаниях мать получила ошибочное, как оказалось впоследствии, сообщение о смерти отца в колымском лагере. Вдове жилось легче, чем жене репрессированного. Легче стало говорить об отце и с нами, малолетками. Где отец, за что сидит? А так — умер, и все. Потому, видимо, воспоминания о довоенной жизни стали острее.

В этих воспоминаниях и мелькнула давняя журналистская поездка отца на батрацкую забастовку на какой-то хутор Степановский и написанная затем книжка. Где та книжка, я, естественно, не спрашивал. Даже ребенок знал: когда человека арестовывают — все его бумаги и книги забирают. Но название — хутор Степановский — осело в памяти, чтобы выплыть оттуда едва ли не полвека спустя. Работая в Ленинской библиотеке, я решил как-то посмотреть, что содержится в каталоге под нашей фамилией. Среди книг брата, моих, неизвестных однофамильцев оказалась и отцовская — «Огни в Степановском», изданная в сентябре 1929 года.

Что происходило в стране в сентябре 1929-го? А-а, ну да: постановление Политбюро о хлебозаготовках с призывом давления на кулака. До знаменитой сталинской статьи «Год великого перелома», где вождь объявил перелом от мелкого индивидуального к крупному коллективному хозяйству, остается два месяца.

Отец работает в газете «Батрак».

Она печатается крупным шрифтом, статьи не превышают шестидесяти строк — учитываются возможности читателей, осваивавших грамоту. Газета издается профсоюзом сельхозрабочих. Такой профсоюз и само понятие — сельхозрабочий — вновь в крестьянской стране. От этой газеты отец и поехал в Степановский. Сначала написал серию корреспонденций, а потом полгода спустя — книжечку.

Я открывал ее с тревогой, опасался людоедского тона, в котором многие тогда сообщали о «классовых боях в деревне». Но нет, кроме предисловия, написанного председателем ЦК профсоюза Н. Анцелови-

чем с призывом «пропитать батрачество ненавистью к эксплуататорам», остальное — сравнительно миролюбивое, хотя, конечно, и наивно политизированное, характерное для тех лет описание событий.

Однако что за события! Как поразительно соотносятся они с нынешними нашими историческими размышлениями и общественными страстями!

Неподалеку от Оренбурга соседствуют два села. В одном — хуторе Степановском — живут кулаки, в другом — Покровке — батраки.

Кулаки — огородники, у каждого по пять — семь гектаров земли. Отец подробно описывает их быт — стулья с мягкими спинками, медная посуда, широкие кровати с пухлыми перинами, кумачовые занавески, герань. Полки с книгами — садоводство, сборники законов о труде, немецкие сельскохозяйственные журналы. Дома утопают в садах. Во дворах — «моторы и другие машины». Хуторяне — молокане и почти все родня — Серяевы, Морозовы, Артищевы. Они кормят овощами не только Оренбург, до Самары доходят их подводы, груженные капустой, картошкой, морковью.

В этом простодушном описании все исполнено глубокого и, возможно, неведомого автору смысла. Сектанты всегда считались наиболее трудолюбивой, предприимчивой и образованной частью российского крестьянства. Близкие молоканам духоворы, эмигрировав в начале века в Канаду, немало способствовали аграрному преуспеянию этой страны. Сами же молокане рассматривали Библию, правда, воспринимаемую аллегорически, с помощью «духовного разума», как единственный источник истины. Это подразумевало определенную культуру и самостоятельность мышления, проявлявшиеся и в хозяйственной деятельности. Так что удивляться немецким сельскохозяйственным журналам на книжных полках крестьян не следует.

Сборники же законов о труде им были также необходимы. В 1929 году власть разоряла крепких крестьян налогами. Один из Артищевых скажет батракам, требующим повышения расценок: «Посчитайте, сколько мы налогов платим. Выгоднее распахать огороды» (имеется в виду под зерновые. — М. З.).

Скоро распадут уже без них, без кулаков, уничтожив великолепные культурные хозяйства. А пока они еще пытаются апеллировать к законам, «качать права». Да только когда ж это в нашей отечественной истории право торжествовало?

Описание Покровки не менее интересно. Здесь ни садов, ни пухлых перин, ни полок с книгами. Старые, покосившиеся дома тесно прижимаются друг к другу. Как только зацветут степановские сады, идут туда покровские крестьяне на сезонные огородные работы — сажать, полоть, поливать. И расчет приводится: на каждый огородный гектар надобно от шести до двенадцати сезонных рабочих.

Почему, однако, в одном селе — культура, сады, книги, а в другом — тесные старые дома, озлобление, подневольный труд? Что здесь?

Какие внешние или внутренние причины? Изначальное человеческое неравенство? Один богат и умен, другой пассивен и неудачлив?

Русский публицист начала века Александр Петрович Мертваго, работавший в молодости, несмотря на свое дворянство, батраком у парижских огородников, отмечает, что почти все наемные работники пытались создавать свое хозяйство. Не получалось — шли в батраки. Они так же, как и россияне, время от времени требовали повышения оплаты труда. Но не сокращали рабочий день, понимая, как дорого время в сезон, а просто больше зарабатывали.

Покровские забастовщики прежде всего требовали восьмичасового рабочего дня, затем повышения почасовых ставок, спецодежды: поливальщикам — сапоги, остальным — легкие халаты. Все было сформулировано жестко, четко.

Когда у батраков стали кончаться деньги, из Оренбурга приехал заместитель председателя окружкома профсоюза Юрьев, привез каждому по рублю. В конце концов забастовка увенчалась успехом.

Закрыв книжку, я задумался. Многие из последовавших за этой стачкой событий казалось очевидным. Не вызывала сомнений судьба степановских огородников. Жить им в их просторных домах оставалось не более чем полгода. Как без их картошки и капусты обходился Оренбург, тоже было ясно. На овощные прилавки современных городов я посмотрел досыта. А вот существуют ли по прошествии шестидесяти лет Степановский и Покровка, не смыла ли их река времени и всяких событий истории нашей, как то случилось с тысячами сел российских?

«Я помню все»

— Хутор Степановский — центральная усадьба совхоза-техникума. И в Покровке тоже — совхоз-техникум. Один готовит агрономов и зоотехников, другой — инженеров и экономистов, — бодро сказали в Оренбургском сельском райисполкоме.

Все было, как в парадных очерках незабвенных семидесятых. Тогда любили сопоставлять — за что боролись отцы и чего достигли дети. Отец с муками едва ли не день добирался до Степановского: переправлялся на пароме, потом шел пешком через овраги. Я катил в автобусе по неплохому асфальту, через двухрядный мост, вдоль нагого, зимнего, трепещущего на ветру молодого леса.

Каким был Степановский 60 лет назад, можно догадываться. Сейчас же я оказался в типичном агрогородке из разряда тех, о которых некогда мечтал Никита Сергеевич, — учебный корпус техникума, многоэтажные здания, где расположились студенческие общежития, квартиры преподавателей, крепкие усадебные дома совхозных рабочих.

Небольшое совхозное стадо коров давало прекрасные для здешних мест надои — четыре тысячи килограммов молока в год. И урожаи зерновых получали самые высокие в районе. Совхозы-техникумы всегда на

особом снабжении. И с рабочей силой нет проблем. У студентов практика, а это сотни молодых рабочих рук.

Выяснилось, что и в соседней Покровке совхоз-техникум живет не хуже. Так что социальный контраст, который озадачил меня при прочтении отцовской книжки, давно исчез.

О батрацкой забастовке 1929 года ни в Степановском, ни в Покровке, естественно, никто и слыхом не слыхал. Огороды в Степановском давным-давно распахали, совхоз промышленности молоко, мясом и зерном. О том, что местные крестьяне были когда-то овощными кормильцами Оренбурга, также никто не знает. И это неудивительно. Во многих такого рода поездках убедился: историческая память в большинстве российских деревень отсутствует. Помнят, что было после войны, в войну. Двадцатые, тридцатые — все поросло травой забвения.

Дело тут не в физической протяженности человеческого века: ясное дело, те, кому сейчас под семьдесят, лишь родились в двадцатые. Есть ведь, однако, рассказы отцов, дедов, семейные легенды. Они и создают неписаную историю. Мне кажется, что народное сознание, сохранив в себе память о высокой трагедии войны, низменные противоестественные трагедии коллективизации исторгает из себя. Да и корни оборваны — где они, крестьянские отцы и деды, в каких мельницах истории перемолоты их кости?

Нередко, правда, находится какой-нибудь любознательный старичок-краевед. С ним-то и наговоришься всласть. Краевед нашелся и в Степановском. Но отнюдь не старичок.

У секретаря совхозного парткома Фаргада Гадиевича Ягофарова прямо руки задрожали от волнения, когда он узнал истинную цель моего приезда. Оказалось, что он одержим идеей создать музей, написать историю хутора, да только один он, один, всем эти его историко-музейные устремления, как говорится, до лампочки, а тут единомышленник явился из Москвы.

Мы вцепились друг в друга как давно не видавшиеся родственники. Ягофарова поразила история отцовской книги, и, когда мы ходили по селу, он все останавливался, смеялся черными, как маслины, глазами и, топая по окаменевшей от первых бесснежных еще морозов земле, восклицал: «Так, значит, по этим улицам ходил отец шестьдесят лет назад? Надо же!»

Сначала мы отправились к старушке, которая «помнила все», а потом сели читать написанную Ягофаровым со слов умерших старожилов историю села. Фаргад читал, запинаясь на малознакомых словах — пагауз, лишенец, — а я слушал, поражаясь тому, как точно воспроизводит судьба хутора новейшую историю государства Российского.

В конце прошлого века эти пригородные пойменные земли, самим Богом созданные для огородничества, купил генерал Степанов, сделав управляющим богатого крестьянина Серяева. Имение было типичной помещичьей экономией — доходным хозяйством с наемными рабочими.

Отсюда шли в Оренбург не только обычные овощи — капуста и морковь, но и изысканная крупная клубника. Дальше все как в ленинском «Развитии капитализма в России»: помещик разоряется, крестьянин-управляющий покупает имение, делая его еще более доходным.

После революции хуторские земли делят между крепкими крестьянами. Наступает золотое время Степановского — нэп. Доверившись бухаринскому призыву «обогащайтесь», огородники заваливали город овощами. Впрочем, обогащаться им пришлось недолго. Описанная отцом забастовка была началом конца.

Старушка, которая «помнила все», Валентина Георгиевна Бурдасова, одиноко и довольно комфортно для села доживавшая свой век в однокомнатной квартире, рассказывала, как попала в Степановский в числе сирот, привезенных сюда из Москвы целым детским домом. Ночью они проснулись от рыданий и криков — раскулачивали и высылали живших по соседству братьев-огородников.

— Спите, дети, спите, — сказала няня. — Это вам снится.

Долгим и страшным оказался тот сон.

После раскулачивания на хуторе началось нечто неопишное. Мало, что сирот сначала привезли, а потом увезли. То казахов сюда откуда-то переселят, то трактористов из Сызрани пришлют, то какие-то списанные по нездоровью военные летчики наедут. Совхоз укрупняли, разукрупняли, превращали в подсобное хозяйство завода. То свиней заставляли разводить, то варенье варить. Дом отдыха заводской построили, а потом закрыли. Железнодорожную ветку подвели, а потом ликвидировали.

Словно кто-то огромный, невидимый и безумный мешал большой ложкой в котле деревенского бытия, перемешивая людей, занятия, ломая судьбы, отрывая от привычных дел мужчин и женщин, обрывая корни, разрушая традиции, устои, привычки. Собственно, то же самое происходило по всей стране. Назвать ли этого невидимого безумца? Усы, трубка, китель? Не могут же такие всеохватные и страшные события происходить по воле одного человека. Или могут?

Экономические игры

Фермеров в Оренбургской области насчитывается четырнадцать. Именно четырнадцать, не пятнадцать и не шестнадцать. По половинке на район. В Оренбургском сельском районе, где расположен хутор Степановский, — ни одного.

Настоящий фермер — это человек, который если и не располагает землей как частной собственностью (российский акт принимался как раз в те дни, когда я был в Оренбурге), то по крайней мере пожизненно ею владеет. Иное дело — аренда. Основы законодательства о ней действуют уже год.

В Оренбургском районе произведена практически повсеместная аренда. Однако тут есть одна маленькая хитрость, которую сельские люди прекрасно понимают. В районе, как и по всей области, распространена не так называемая чистая аренда, когда крестьянин получает у колхоза-совхоза в свое распоряжение землю, технику, скот, расплачиваясь частью полученной прибыли, а внутрихозяйственная или арендный подряд, в сущности, мало чем отличающийся от коллективного, семейного и прочих экономических игр, в которые вот уж сколько лет играют с наемными работниками колхозы и совхозы.

Своего расчетного счета в банке при таком подряде крестьянин не имеет, все, что он получает и производит, обшчитывает контора, она же устанавливает внутрихозяйственные расчетные цены. Словом, как заявил в районной газете звеньевой из совхоза имени Гагарина А. Иванов: «Как были мы простыми исполнителями, так и остались. Только названия меняются: раньше амортизационные отчисления, теперь арендная плата, раньше зарплата, теперь хозрасчетный доход. Бирюльки, жонглирование терминами».

Один имелся на Оренбургский район чистый арендатор — Борис Иванович Радченко. Застал я его после ночи, проведенной в коровнике, в его двухкомнатной городского типа квартире — оживленным, говорливым, и первое, о чем он спросил меня, — как отношусь к российской Конституции?

По облику, манерам, мышлению то был типичный современный демократ из рабочих, сравнительно молодой, с прекрасно подвешенным языком, знающий свои права и умеющий их отстаивать. Вместе с женой он взял в своем совхозе «Боевой» полсотни бычков, кусок земли под кормовые травы и старенький колесный трактор. Все это он просил давно, но старый директор отказал категорически, а весной пришел новый — кандидат наук, прогрессист — и согласился. Деревня следила за тем, как Радченко с женой ломали спину на своей «fazенде» (под откормочник приспособил старый склад без полов, без кормушек), со жгучим и разноречивым интересом — кто с иронией, кто с доброжелательством.

— Как теперь воспримут ваши доходы, когда вы сдали бычков? — спросил я Радченко.

— Да-а, — улыбаясь протянул он. — Тут все непросто. Надо еще получить эти доходы.

Он опасался не столько директора, к которому относился с пониманием и сочувствием, — тот, как мог, тянул совхоз из долговой ямы, а скорее главного экономиста, тоже человека молодого, современного и жестко охраняющего совхозный интерес. А интерес этот состоял в том, чтобы не отдавать Радченко хотя бы причитающиеся ему как чистому арендатору выплачиваемые государством надбавки к ценам на скот. Если Борис Иванович эти надбавки получит, на его счету окажется больше пятидесяти тысяч рублей, которые он намерен пустить на развитие своего производства.

— Что купить-то сейчас можно?

— Трудно, конечно. Товарного рынка нет. Буду лес искать через лесхоз, надо ж нормальное помещение строить. Через кооператоров — кирпич. Может быть, на заводе — сверхплановый трактор. Деньги есть, мясо есть...

— А людей нанимать будете?

— Отчего же нет. Обстроюсь, обзаведусь, можно и расширять производство. Я ж работнику не по-совхозному платить буду. Но и работа не совхозная.

Таков он, современный кулак (надеюсь, читатель понимает, что я употребляю это слово отнюдь не в привычно негативном смысле), сидящий пока в совхозных тенетах.

Радченко — животновод. Отправился к земледельцу — в совхоз «Коммунист», к Виктору Кузьмичу Дружинину. Это человек совсем другого склада — типичный пожилой крестьянин, приехавший сюда в молодости из Центральной России поднимать целину. Ему скоро шестьдесят. Совхоз выделил в качестве поощрения на юбилей (родня-то съедется) ящик водки, разумеется, за деньги юбиляра. Такие теперь поощрения.

— А где ее возьмешь? — спрашивал Виктор Кузьмич, разливая по рюмкам, которые мы с ним с удовольствием осушили за его здоровье под сало, капусту и отличный борщ.

Вместе с сыном, живущим в таком же аккуратном усадебном домишке, Дружинин взял в арендный подряд, а не в чистую аренду, как Радченко (кто даст в чистую?), изрядное зерновое поле в севообороте. Уж как они с ним маялись! Собственно, не с полем маялись, а с тем, что им никак не давали их собственную подрядную работу делать, отрывая в самую горячую пору на другие совхозные дела. То там вспаши, то там посеи, а свое-то поле, за которое с них спрос, кто за них вспашет? И все же урожай оказался куда выше совхозного. А вот получить денежный результат этого урожая — хозрасчетный доход, который по итогам года насчитала им контора, — не удалось. Вышло 22 тысячи рублей. «Куда тебе? Много. Облопаешься».

То, что эти деньги нищему совхозу «Коммунист» необходимы для разных нужд, ясно. Так же, как и ясно, что действует в данном случае совхоз самым наглым, грабительским образом.

Вечером, наездившись по арендаторам, сел читать подшивку районной газеты, одновременно посматривая одним глазом в телевизор, где шло обсуждение российским Съездом Советов акта о земле. Сочетание этих двух занятий давало эффект совершенно необычный, граничащий с раздвоением личности. Одной частью своего существа я переживал съездовские страсти — гневался на консерваторов, утверждавших незыблемость колхозного строя, соглашался с демократами, требовавшими немедленного введения частной собственности на землю с тем, чтобы уже весной сеять свободным крестьянам, а другой — окунался в рай-

онную сельскую жизнь, откуда крестьянская свобода виделась как недо-
стижимо далекий квадрат неба со дна колодца.

И кто ее даст — землю и волю? Кто, собственно, должен и может проводить земельную реформу? Местные Советы? В Степановском председатель сельсовета, бывший преподаватель техникума Станислав Иванович Журиков, втолковывал мне, что у них желающих брать землю нет, что главное для Совета — работать в контакте с совхозом. Да и что иное он мог говорить при нищенском своем бюджете, бесправии и безвластии, при том, что сам как вышел из совхоза-техникума, так и уйдет туда обратно по окончании выборного срока. А райисполкомы — разве не те же вчерашние колхозные председатели и совхозные директора их возглавляют?

Александр Исаевич Солженицын в своих заметках «Как нам обустроить Россию» уповает на деревенский мир, на демократию малых пространств, на земские собрания, оперирует понятиями начала века, когда, пусть и размываемая, все же существовала общинная жизнь. В последовавшие затем чутунные десятилетия деревня многократно перемешивалась, переваривалась в плавильном котле истории, община подменялась ее суррогатом — колхозом-совхозом. Конечно, человеческая общность не может исчезнуть. Есть связи земляческие, семейные, соседские. Есть и тоска по своей земле, по свободе. Но какая потаенная тоска!

Радченко рассказывал, что в его деревне несколько человек просили землю. Получив отказ, затаились. Теперь следят за ним. Если что-то получится, скорее всего снова будут просить.

— А может, требовать? — осведомился я.

— Может, и требовать.

Так многие полагают: пусть другие сунутся, попробуют. Эти другие пишут жалобы, ищут справедливости. Почему от подрядного звена требуют, чтобы оно раздавало поросят по запискам начальства? Почему перебрасывают с подрядного поля людей на другие общеколхозные работы? Почему задерживают выплату хозрасчетного дохода?

Словно линия противостояния разламывает современное село, стенка на стенку стоят два его социальных слоя. Деревенские низы устами самых активных своих представителей кричат: дайте землю, скот, технику, дайте права, свободу. Верхи же в лучшем случае: нет у нас земли, она вся в севообороте, и техники нет, два новых трактора на колхоз за год получили. А в худшем — вы ж не хотите ни земли, ни свободы. Вы ленивы и развращены. Научитесь сперва работать в колхозе.

Так прямо говорится редко. Чаще же всего начинаются расчеты: на одно фермерское хозяйство надо двести — триста тысяч рублей. А если их несколько десятков? Никакого бюджета не хватит. Все правильно: но не с канадским или американским фермером имеем дело. Может, вырастем и до его потребностей. Пока же российские мужики, такие, как Радченко и Дружинин, работают в старых сараях, самоотверженно ремонтируют списанную технику. Конечно, это не дело. Надо им всемер-

но помогать. Но речь-то идет о нескольких тысячах кирпичей, десятке мешков цемента. Понимаю люди, каковы возможности хозяйств. Сами готовы искать ресурсы. Ждут прежде всего нормального человеческого отношения.

Впрочем, не хочу корить колхозных председателей. Я много лет их защищал как самую активную, действенную силу на селе. Тем более что линия противостояния проходит не только по деревне. Другая линия — между колхозом и районной властью, навязывающей план или — по-новому — госзаказ, правда, теперь уже не под страхом лишения партбилета, а под угрозой перекрыть и так скудное снабжение ресурсами — бензином, техникой, удобрениями.

Третья линия — между районом и областью. И, наконец, четвертая — между областью и центром, где центр стремится побольше выкачать продовольствия и поменьше поставить ресурсов, а область — наоборот. Но главный и самый опасный, хотя и не такой явный разлом — внизу, в селе. Здесь конфронтация не только форм собственности, но и форм власти в самом изначальном, исходном своем преломлении.

Работать ли механизатору Дружинину на своем поле или, не досеяв, отправиться помогать соседнему звену — в этом не только экономика, но и политика. Кто же и что же тогда директор совхоза Олег Васильевич Петин, если он не может маневрировать своей рабочей силой? И если Дружинин — хозяин, а не работник, то и Петин не директор.

Он прекрасно понимает это и заявляет в районной газете, что аренда требует куда большего, чем у него имеется, количества механизаторов. То есть пусть себе уж Дружинин работает самостоятельно, но тогда у него, Петина, должны быть другие люди, кем он может управлять. В сущности, вопрос в том, кто кому служит: Петин — Дружинину или Дружинин — Петину. Если совхоз превращается в кооператив арендаторов или фермеров, то Петин служит Дружинину.

Ждать от нынешних руководителей хозяйств, чтобы они по мере своих сил способствовали развитию аренды или фермерства, совершенно невозможно. Они не могут делать этого отнюдь не в силу своей косности, консерватизма. Каждый из них прекрасно понимает, что свободный крестьянин работает значительно лучше, эффективнее, чем подневольный. Директор «Боевого» Виталий Валентинович Далин охотно привел такие цифры: Радченко с женой за год получили 54 тысячи рублей чистого дохода, по 27 тысяч на каждого, а в совхозе на человека приходится по 9 тысяч. Второе выросла производительность. Дело в другом: не может колхоз или совхоз сам создавать себе конкурента. Это противостоит естеству, так же как противоестественно для волка питаться травой.

А если не директор совхоза и не председатель сельсовета, райисполкома, то кто же поможет крестьянину в реализации продекларированных прав на свободу? Ведь в одиночку это право не осуществить, какие бы законы ни издавались. Не сломать противодействие десятилетиями формировавшейся колхозно-совхозной власти, которая сама ни за что не сдаст своих позиций.

Что делать?

Вопрос этот как-то вроде даже и задавать неудобно, а не только в подзаголовок выносить. Герцен, Чернышевский, Ленин. Сначала спрашиваем: «Кто виноват?», а потом: «Что делать?»

И все же что делать с новыми, завоеванными в жарких парламентских дебатах крестьянскими правами, что делать для того, чтобы возникла истинная крестьянская свобода? Кто из журналистов, пишущих на аграрные темы, не задавал таких вопросов!

Пару лет назад мне показалось, что ответ в какой-то мере содержит в себе опыт организации фермерских хозяйств в Переславском районе Ярославской области. Их возникло там с десяток. Напомню: во всей Оренбургской области в конце 1990 года имелось лишь четырнадцать.

Ярославщина не южноуральские степи, распаханные под завязку. Здесь пустующей земли сколько хочешь, а вот людей активных и трудоспособных почти не осталось. Поэтому организатор этих хозяйств — кооператив «Колос», куда вошла группа московских ученых во главе с доцентом Ефимовым, ориентировался в основном на приезжих.

В «Колосе» их немного подучивали основам экономики, агротехники и зоотехники, хотя в большинстве своем то были люди с достаточным практическим опытом, а потом, что самое главное, помогали получить землю, кредиты, скот, технику.

Закон об аренде еще не вышел. Приходилось использовать другой законодательный акт — о кооперации. Фермерские семьи при заключении договоров с колхозами считались семейными кооперативами. Если захотеть, юридическое обоснование всегда можно найти.

Районное руководство с пониманием отнеслось к этой затее, рассчитывая на определенный политический капитал. Колхозы же находились в таком «лежачем» состоянии, что им было все равно — лишь бы живые люди в их стариковском царстве появились.

Кто только не перебивал тогда у переславских фермеров! И Юрий Дмитриевич Черниченко, и председатель Российской ассоциации крестьянских хозяйств Владимир Федорович Башмачников. И я, грешный, отправился в Переславль-Залесский полюбоваться надеждой и опорой нашей — свободной и трудолюбивой крестьянской семьей, сидящей на своей земле.

После нескольких газетных и телевизионных репортажей из района туда начали съезжаться претенденты на фермерство — предпринимчивые и, как правило, молодые люди. Но кампания закончилась. Ефимов ездил по западным странам, знакомясь с опытом то голландских, то английских фермеров. Местный партийный руководитель, оказавший в свое время содействие «Колосу», пошел на повышение — стал председателем областного Совета. Думается, его репутация прогрессиста сы-

грала здесь определенную роль. В кооперативе начались какие-то финансовые трудности. Словом, будущие фермеры сидели в гостинице без дела, проедаая последние деньги.

Землю им предлагали, это пожалуйста. Но что делать с запущенным, заболоченным, а то и заросшим березняком полем? Пройти же через банковские хитросплетения для получения кредита, через лабиринты сельхозтехники, строительных организаций, которые должны выделить трактор, помочь построить дом, наконец, наладить нормальные отношения с колхозом, в одиночку, без квалифицированной и доброжелательной помощи было невозможно.

Когда задумываешься над тем, почему же «Колос» оказался несостоятельным, понимаешь, что неуспех дела был заложен в самом подходе к нему. Одним его организаторам важен был экономический эксперимент, о котором можно писать научное исследование, другим — политическая кампания. А успех в данном случае может быть тогда, когда есть обычный денежный интерес. Да-да, примитивный денежный интерес. Это когда люди живут и зарабатывают себе на кусок хлеба, да еще желательнo с маслом, тем, что способствуют успешной работе крестьянских хозяйств.

Представьте себе, что на первых порах в областном центре, а потом и в районных появляется группа специалистов, назовем ее как угодно — посреднический кооператив или хозрасчетная фирма. Среди них обязательно один или два юриста, экономист, агроном, зоотехник, инженер — пять-шесть, не больше десятка человек.

К ним могут обратиться мужики, которые подобно переславским парням хотят сесть на землю, стать фермерами. И им оформят документы, проведут через всякие ведомственные лабиринты, помогут приобрести технику, посоветуют, где семена взять, скот купить. Полный комплекс услуг, за которые расчет в виде определенного процента от первой полученной прибыли.

Необязательно пользоваться полным комплексом услуг. У арендатора Радченко появились первые доходы, ему нужен трактор, лучше новый, на худой конец — подержанный. Где его взять? В нашем Отечестве ведь никогда ничего нет и вместе с тем все есть. Места знать надо. Инженер нашей фирмы их знает. За это надо платить. Обыкновенная посредническая услуга. А юрист? Юристу особенно много работы. В областном суде мне показывали крестьянские жалобы. Все то же: обсчеты, невыполнение колхозами договоров. Районные суды далеко не всегда принимают правильные решения, привыкли отстаивать колхозно-совхозные интересы. Таких жалоб пока немного. Какой внутренний барьер надо преодолеть крестьянину, как распрямиться после десятилетий рабской покорности, чтобы подать в суд на колхоз? Думается, подобного рода судебных дел будет все больше. Если, конечно, обществу не сдавит горло железная рука очередной диктатуры, если действительно пойдём

по пути к правовому государству, профессия юриста станет одной из самых дефицитных, уважаемых и массовых.

Откуда могут взяться такие посреднические кооперативы, как набрать и объединить специалистов, тем более что дело предстоит хлопотное, связанное с поездками по селам, с постоянным противодействием местного начальства, да и крестьянство пока еще малоактивно, не очень-то приучено обращаться за помощью. Но ведь всякая новация такова: глаза боятся, а руки делают. К тому же повторю: у нас в России ничего нет, а вместе с тем, если поискать, все найдется.

Я подумал об аграрном чиновничестве, высвобождающемся при сокращении аппарата. Там и пенсионеров активных много, и более молодых людей, ищущих точку приложения сил. Консервативны? Воспитаны системой? Не все же.

Ходил по всяким оренбургским конторам, пока не наткнулся на живого умного человека Сергея Алексеевича Бочкарева, начальника агропромышленного отдела Главного планово-экономического управления облисполкома. Он понял все с полуслова и тут же вручил проспект информационно-консультационного центра «Агроконтакт», создаваемого им вместе с сотрудниками своего отдела. Центр обращался прежде всего к руководителям районов, колхозов-совхозов и всяких предприятий, к крестьянам же — в последнюю очередь и к тому же брал на себя в основном информационные функции. А я говорил о посредничестве, защите интересов фермера. Сергей Алексеевич обещал подумать.

Другая встреча — с председателем областного союза предпринимателей и арендаторов Геннадием Александровичем Люлякиным. «В миру» Люлякин — директор кирпичного завода, взятого коллективом в аренду. В его союз вошло несколько десятков таких же заводов, предприятий службы быта, строительных организаций. Есть и аграрная секция, пытающаяся защищать сельских арендаторов. Наняли юриста, ездит по районам, ведет дела. Люлякин также обещал подумать над моим предложением. Но все у него в самом начале. Союз организовали полгода назад, и реальной общественной силой он себя еще не чувствует.

А нужна общественная сила. Какая? Стародубцевский аграрный союз выражает интересы руководителей колхозов и совхозов. Российская ассоциация крестьянских хозяйств? Крестьянская партия? В Оренбурге даже не слыхали о таких новообразованиях.

Вспомнилось, как в «Огонек», прочитав сообщение о создании крестьянской партии, забрел некий американец. Он специалист по истории эсеровского движения, написал книгу о Викторе Чернове и вот, прочитав о том, что в России теперь после столь долгого перерыва воссоздана крестьянская партия, желает окунуться в ее жизнь. Пришлось осторожно объяснять, что пока речь идет о группе демократически настроенных публицистов, ученых, депутатов, пытающихся опереться на первых фермеров.

Было время, когда мне казалось, что наиболее здоровые силы коммунистической партии, стремясь реабилитировать себя в общественном сознании, начнут поддерживать крестьянские хозяйства, отстаивать их интересы. Бесплодная надежда. Партийный аппарат, породив колхозы и совхозы, слишком тесно связан с ними и никакого экономического соперничества в деревне допустить не может. Значит, остается рассчитывать на альтернативные демократические общественные силы. И они есть в городе.

В кабинете «местного Станкевича» — заместителя председателя горсовета Евгения Федоровича Польщикова — несколько митинговая атмосфера. Толпятся депутаты, обсуждаются последние городские и союзные политические новости, тут же идет совещание недавно созданного социологического центра. Сам хозяин — молодой, статный, в хорошо сшитом костюме, в недавнем прошлом преподаватель сельскохозяйственного института — только что вернулся из Парижа, куда ездил с группой российских социал-демократов по приглашению Социнтерна, и еще полон впечатлений.

Потолкавшись в этом кабинете, где корреспондента «Огонька» встретили с энтузиазмом, я ушел с объемистой брошюрой программы социал-демократической партии России. Проглотил ее в тот же вечер с интересом. Блестящий образец современной политической публицистики! Правда, насколько знаю, и другие недавно созданные партии упражняются в этом искусстве с немалым успехом. А практические дела?

— Есть и практические дела, — рассказывал Польщиков. — Горсовет усилиями демократических депутатов организовал социологический центр, свою газету «Оренбургские ведомости». Готовим приватизацию городской торговли. Хотим поставить вопрос о нерациональном использовании земель, входящих в городскую черту овощеводческих совхозов, и передаче их фермерским хозяйствам.

Стоп. Это уже по моей части.

— А как вы думаете передавать земли крестьянам? Какой механизм? Кто будет этим заниматься?

Мой собеседник задумался:

— Наверное, отдел создадим в горисполкоме.

Отдел? Еще одно чиновничье звено, которое будет управлять, указывать, отчитываться.

— А что вы предлагаете?

Я предлагал все то же: посреднический кооператив. Он слушал долго, не перебивая, как будто не реагируя. На следующий день я зашел, чтобы вернуть брошюру с программой.

— А вы знаете, меня заело. Всю ночь думал над этой идеей. Я ж сам из села. По-другому не пойдет дело. Надо браться.

Слава Богу, хоть один реальный союзник нашелся. А может, где-то уже идут по такому же пути? Страна велика. Начать бы и здесь, в Орен-

бурге. Лиха беда начало. Ну что бы тому же Польшикову с его энергией, связями начать. Не век же ему зампредом горсовета быть. А тут живое, самонужнейшее дело.

Хоть один бы такой кооператив, а там пойдет, не может не пойти. Только чтоб без показухи, чтоб загудело по окрестным селам: есть такие люди. Не показное чтобы народолюбие, а истинное, которое, кстати, всегда было в традициях русской интеллигенции. А впрочем, вовсе не в народолюбии дело. В нашем общем корыстном интересе. Он же, этот интерес, состоит в том, чтобы был свободный крестьянин, который может накормить меня, горожанина, чтобы возродились канувшие в пучину истории степановские огородники, степановские кулаки, так исправно снабжавшие город овощами.

Декабрь 1990 года

«НЫНЕ ОТПУЩАЕШИ...»

Среди романтических биографий героев нашего времени — людей, в чьей жизни есть непредсказуемый и волнующий воображение поворот, — таких, как Сахаров, Ельцин, Гавел, — Солженицына — одна из самых ярких. Все в ней на контрасте: боевой офицер и зек, провинциальный учитель и всемирно известный писатель; гонимый диссидент, живущий под колпаком КГБ, и вермонтский отшельник; умирающий онкологический больной и брызжущий энергией мужик, ведущий жизнь, полную страстей и здоровых радостей. Эти трансформации многократно описаны. Есть, однако, в, казалось бы, досконально изученной биографии Александра Исаевича эпизоды малоизвестные и вместе с тем весьма важные для осознания хода событий, формировавших его судьбу, понимания среды и времени, в котором он жил.

Перст судьбы

Задумаемся над удивительным свойством тоталитарной системы: создавая себе врагов, превращать их в героев. Когда анализируешь биографию Ельцина, диву даешься, как в самые трудные моменты его политической жизни партийный аппарат спасает своего главного противника от забвения. Осенью 1989 года, казалось бы, все кончено; перед нами оппозиционный депутат, один из лидеров межрегиональной группы. Но разгорается скандал с перепечаткой «Правдой» публикации итальянской «Республики», и волна народного обожания вновь вздымает Ельцина на свой гребень. А сколько раз пропагандистские выстрелы аппарата по Сахарову давали обратный результат!

У Солженицына все сложнее. Оценить судьбоносный смысл той или иной атаки на него оказывалось возможным лишь со временем.

И тем не менее тенденция та же: проiski КГБ освобождали, раскрепощали его, заставляя распрямляться и быстрее идти по предназначенному пути.

В начале шестидесятых, после выхода «Одного дня Ивана Денисовича» под державной и доброжелательной рукой Хрущева, казалось, жизнь впереди спокойная и сытая. Вступление в Союз писателей, выдвижение на Ленинскую премию. Пусть не дали. Были б поумнее — дали. Чего лучше — приручить, усыновить, успокоить. Трудно обласканному, привыкшему к сытным харчам и начальственному благоволению (чего доброго, и «В круге первом» напечатали, опять же коли поумнее были бы), бунтовать. Да что бунтовать, просто-напросто себя отгаивать.

Как тонко описан Гроссманом в «Жизни и судьбе» компромисс Штрума! Не хочется этому доброму, умному, чистому человеку подписывать подлое письмо. Но за барскую ласку, покой платить надо.

Осенью 1965 года КГБ находит при обыске архив писателя, оставленный им на хранение близкому человеку. В архиве пьеса «Пир победителей» — о СМЕРШЕ, возвращении наших пленных и других «прелестях» войны, о которых тогда глухо молчали. Говорят, ее размножили малым секретным тиражом и раздали членам Политбюро. Поглядите, мол, каков он, Солженицын, вот его истинное лицо. И пошло. Где там преуспевающий спокойный писатель, член ССП, кандидат в ленинские лауреаты? Разрыв с системой. Травля. Слово бич судьбы свистит над солженицынской головой, заставляя, однако, не сгибаться, а распрямляться, понимать: нет и не может быть компромисса с этим государством.

И потом еще не раз напоминали о том же габистские опекуны. Когда, затравленная, сунула голову в петлю Воронянского, машинистка, печатавшая «Архипелаг ГУЛАГ», и пустил он по свету этот обвинительный приговор системе, заколачивая гвозди в ее гроб, — тоже был судьбоносный момент.

А все же тот обыск и вся история с архивом послужили первым толчком, круто и окончательно изменившим жизнь писателя, как ничто другое способствовавшим тому, что он стал тем, кто есть теперь.

Как же сплелось все тогда, где пересеклись случайность и закономерность, какая среда питала художника? Придется обратиться к судьбе другого человека, близко стоявшего в те времена к Солженицыну, одному из первых читателей и первому почитателю и критику его произведений.

Напомним, что сам Александр Исаевич детство и юность провел в Ростове-на-Дону в тридцатые годы, когда разрыв отечественной культурной традиции казался фактом очевидным. Физическое уничтожение интеллигенции, попытки создать новую культуру на пустом месте, презрение к прошлому, к национальному духовному богатству — все создавало атмосферу, в которой должна была задохнуться всякая живая мысль.

В хрестоматийной для тех лет повести о стройке первой пятилетки «День второй» Эренбург показывает трагедию последнего молодого рос-

сийского интеллигента Володи Сафонова. Он кончает жизнь самоубийством, погибает от несовместимости со средой, от бесперспективности существования.

В реальной действительности тех лет молодые русские интеллигенты далеко не всегда уходили из жизни. Ухитрившись уцелеть, они приспособлялись, вели двойную жизнь. Как-то работали на благо своего нового социалистического отечества, отмалчивались на собраниях, голову вместе со всеми, а вечерами читали, думали и даже порой писали в стол.

В таком чтении, писании, ограниченном общении с себе подобными и продолжалась культурная традиция, перебрасывались мостки между поколениями.

Биография

Герой нашей истории Вениамин Львович Теуш представлял собой типичного советского ученого средней руки. Он родился почти одновременно с веком, в 1898 году, в обеспеченной еврейской семье, естественно, разоренной впоследствии революцией. Гимназия. Университет. Преподавание математики. В период повального увлечения авиацией работает в различных авиационных научно-исследовательских институтах, приобретает самолетные приборы. Во время гонений на евреев он вынужден вернуться к преподаванию математики, на сей раз в сельскохозяйственных вузах, заведует кафедрами, пишет учебники. В начале шестидесятых выходит на пенсию.

Казалось бы, типичная и вполне благополучная биография — законопослушный гражданин, добросовестный работник. Но вот та же жизнь, увиденная под другим углом зрения, — чередование других событий. В юности наш герой исповедует толстовство, потом антропософию — учение о путях раскрепощения заключенных в человеке тайных духовных сил. Оба этих духовных движения находят в начале века многих последователей. О популярности толстовства известно широко. О распространении антропософии сказано меньше. Между тем воздействие идей основателя этого учения Рудольфа Штейнера испытали на себе многие выдающиеся представители художественной интеллигенции начала века, и среди них Белый, Волошин, Кандинский.

В двадцатые — тридцатые годы такого рода интересы, как, впрочем, и всякое углубленное стремление к духовному знанию, отнюдь не афишировались. День проходил в обычных заботах — лекции, бытовые дела. Вечер — в чтении, конспектировании, размышлениях. Шкаф в тесной комнатке, где детская колыбель стояла на письменном столе, был полон сочинениями древних и современных философов.

За стенами этой комнатки бушевали иные страсти. Миллионы людей, освоив грамоту, изучали азбуку марксизма по многочисленным политическим катехизисам тех лет. Формировался тот самый социальный

слой, который Солженицын десятилетия спустя назовет «образованщиной».

Отдает дань марксизму и Вениамин Львович. Мы обсуждали с его вдовой, Сусанной Лазаревной, рассказы которой послужили одним из главных документальных источников этого очерка, причины такого, правда, кратковременного увлечения. Мне увиделся здесь обычный духовный конформизм, невозможность противостоять моральной эпидемии.

— Скорее всего тут иное, — сказала Сусанна Лазаревна. — Людям вашего поколения трудно представить себе нравственный соблазн марксизма. Он покорял обещанием устранить всяческую несправедливость. Только потом начинаешь понимать, что любая такого рода попытка построить царство божие на земле оборачивается куда худшей, чем раньше, несправедливостью. Но для этого нужно пройти через горький опыт.

Конец сороковых годов стал самым благополучным временем в жизни семьи Теушей. Оставив душную московскую коммуналку, они переселились в подмосковный поселок Кратово, где расположился летно-исследовательский институт. Жили в сосновом лесу, что оказалось полезно для больных легких сына. Вениамин Львович получил Сталинскую премию, чувствовал себя солидным, преуспевающим ученым, защищенным от всевозможных напастей времени. Но... «покой нам только снится».

Рязанские вечера

Чистка евреев начиналась незаметно. Обыкновенное сокращение штатов: увольнялся истопник, рабочий, а вместе с ними заведующий лабораторией, кандидат или доктор наук. Теуша увольняли среди последних. Пришлось переселяться в Москву, благо, комната оставалась за ними, и пошли долгие месяцы хождений по объявлениям, пересчета скудных одолженных рублей, соболезующих вздохов друзей.

В Москве работы не находилось. Место сыскалось в Рязани, где тамошний сельхозинститут остро нуждался в квалифицированных преподавателях.

Годы спустя узналось, сколько в те времена оказалось в вузах Пскова, Ярославля, Рязани и других окружающих Москву городов столичных ученых с еврейскими фамилиями. Давняя российская традиция административного укрепления провинциальной культуры, начавшаяся с декабристов — первых сибирских просветителей!

Теушу в Рязани предложили кафедру математики. Конечно, жить приходилось вдали от семьи. Но с другой стороны — не такая уж и даль оказалась. Ночь поездом, а если невмоготу — на такси шестьдесят рублей, что при высоком профессорском жалованье вполне посильная трата.

Комнату дали просторную, в двухэтажном деревянном преподавательском доме. Вечерами под треск топящейся печи за просторным столом работалось превосходно.

Работал же он не только над лекциями, над изданным впоследствии учебником математики. С юных лет образовалась привычка медленного чтения художественной литературы, размышлений над прочитанным, заметок, привычка писать в стол. К стати, и статья о Солженицыне, о которой пойдет речь ниже, первоначально имела подзаголовок «Опыт медленного чтения».

После его смерти осталось литературное наследство, еще ждущее своего издателя. Заметки о Чехове, частично, правда, опубликованные в чеховских сборниках, история еврейства, написанная с позиций антропологических.

В этом вечернем чтении и тайнописании без всякой надежды на публикацию, в глубоко личном общении с культурой было нечто монастырское, некий труд души, которая желала, не могла не трудиться. В чуждое время разрыва культурных, нравственных связей и традиций человек построил себе духовное убежище и жил в нем.

Глухую зимнюю тишину рязанских вечеров нарушали разве что звуки фортепьяно, но они нисколько не мешали. Теуш был меломаном и даже написал в молодости, в университете, музыкально-теоретическую работу.

Играла преподаватель химии Наталья Алексеевна Решетовская, овдовевшая в войну милая молодая женщина. Вместе с матерью и двумя тетюшками она жила по соседству. Семья была доброжелательная, интеллигентная (мать Решетовской всю жизнь преподавала литературу), и Вениамин Львович нередко заходил в гости послушать Бетховена или Моцарта.

Круг его общения несколько расширился, когда в Рязань приехал преподавать еще один изгнанник — Лев Самойлович Каменомостский, доктор технических наук, так же, как Теуш, работавший в авиации и по тем же причинам вынужденный покинуть ее.

Преподавали столичные ученые с большой охотой. Аудитория оказалась благодарнейшая, с тягой к знаниям, к культуре. И когда Вениамин Львович вместе с Решетовской решили организовать музыкальный лекторий, эту идею все восприняли с энтузиазмом.

И вот — до отказа забитый актовый зал. На сцене за роялем молодая строго одетая женщина. Рядом — пожилой человек в черном костюме. Небольшое вступительное слово о Бетховене, его судьбе, творчестве. Затем начало Лунной сонаты. Лектор рассказывает, что такое тема, как варьируется она в музыкальной ткани сонаты, как рождается мелодия, в чем проявляется «чуть-чуть», отличающее талант от ремесла. Исполнительница тут же иллюстрирует рассказ. А потом, когда соната разобрана — рассказана и показана, когда сопричастность аудитории акту творчества достигла наивысшего градуса, — исполнение всего произведения целиком.

Вообразим себе и другое — полуголодный город за окнами института (возвращаясь из Москвы, Теуш привозил каждый раз пудовые сумки с продуктами — для себя, для друзей). Подступающие к городу заснеженные скудные поля, на которых придется провести всю оставшуюся жизнь молодым людям, так пылко слушающим Бетховена. И дальше, дальше — за рязанскими пределами — огромная разоренная страна, притихшая, распятая под сапогом диктатора, проводящего последние свои ночи в глухих, страшных пирах со сподвижниками. Сумерки режима.

Семейный роман

Умирает Сталин, и Теуш бросается в Москву на поиски работы. Наплась она не сразу, но довольно престижная — в столичном заочном сельхозинституте дали кафедру математики.

Рязанские связи не оборвались. С Каменомостскими (Лев Самойлович также немедленно вернулся домой), с их кругом образовалась теснейшая дружба. Иногда приезжала из Рязани Решетовская.

В один из таких визитов она открыла свою тайну: муж вовсе не погиб на фронте, а сидел, затем оказался в ссылке и вот теперь приехал к ней в Рязань.

Для Теушей такие истории были не внове. На дворе стояла, как тогда говорили, эпоха позднего реабилитанса. Позднего — потому что миллионы не дожили. Те же, кто дожил и вышел на свободу, рассказывали такое, от чего у обыкновенных людей волосы дыбом вставали. Впрочем, опять же: не все и не всё рассказывали. Архипелаг ГУЛАГ приобрел только самые первые смутные очертания в общественном сознании. Его контуры и детали четче и яснее станут обозначаться еще долго, пока этим самым тогда еще никому не известным мужем Натальи Алексеевны не будет сказано все до конца, не воссоздан страшный в своей рельефности образ, запечатленный в памяти человечества.

А в середине пятидесятых в возвращении первых зеков виделось нечто романтическое. Их воспоминания о лагерных странствиях, кончившихся (для них, для них!) хэппи-эндом, казались нам, молодым, удивительной сагой, гранившей человеческие характеры. Слова Варлаама Шаламова о том, что лагерный опыт насквозь негативен, что человеку лучше не знать, не видеть и, уж конечно, не переживать его, что он не обогащает душу, были сказаны и осознаны лишь впоследствии.

Тогда же мы видели мужественных, закаленных страданиями людей, одержимых желанием восполнить недоработанное, недолюбленное, несказанное. Большинство из уцелевших, если возраст позволял, окунались в окружающую их действительность, не чувствуя, во всяком случае, внешне, никакого разлада с нею, сливались с политической системой, как будто много лет она их не отторгала.

На первый взгляд такое примирение кажется непонятным. Но ведь альтернативы не имелось. Все формы и проявления жизни, как духов-

ной, так и материальной, тотально узурпировались системой. И казалось, что вне ее никакая деятельность невозможна.

Находились лишь отдельные, наиболее значительные личности, искавшие опору в себе, создававшие свой собственный мир, свое тайное духовное убежище, отделявшее их от чудовищного государства. Одним из таких людей был Солженицын.

Вскоре Решетовская привезла своего вновь обретенного мужа к Теушам. Они жили на даче в Малаховке по Казанской дороге, куда на пропитанные сосновым духом лесные участки выбиралась летом московская интеллигенция. Пришли Солженицыны со станции в грозовую дождь вымокшими до нитки. Разумеется, это бытовое неудобство ни на минуту не могло угасить ощущения радости и полноты бытия, которое исходило от них.

Переделали как смогли, повесили сушить одежду, усадили пить чай. Внешне совершенно неприметный (знаменитой впоследствии бороды тогда еще не было), гость поразил воображение хозяев острыми и яркими суждениями, образной, стремительной, как распрямляющаяся пружина, речью, явно ощутимой внутренней энергией и какими-то очень профессиональными размышлениями о литературе (о чем же еще говорить российским интеллигентам, как не о литературе).

У кого-то из литературоведов, уж не у Шкловского ли, есть любопытное рассуждение об образе Левина в «Анне Карениной». Толстой наделяет его многими своими личными чертами — тонкостью чувствования, живостью воображения, посадив при этом на помещичье хозяйство в деревне. Чего-то не хватает этому человеку для полноты образа. Чего? Занятый литературой.

Та же мысль мелькнула и у Теушей при первом знакомстве с Солженицыным: уж не пишет ли втайне? Внешняя его биография была им известна от Решетовской — математический факультет в Ростове, офицер на войне, а сейчас — рязанский учитель.

Видеться вчетвером приходилось нечасто. Примерно год спустя Решетовская приехала на дачу к Теушам одна. В руке у нее был маленький студенческий чемоданчик.

— Знаете, муж написал повесть. Хотите посмотреть? Читал его лагерный товарищ критик Копелев. Говорит: «Типичная производственная повесть».

Вениамин Львович немедленно забрал к себе в шезлонг тесно, через один интервал напечатанную рукопись и словно окаменел над ней.

Женщины гуляли, готовили еду, а он все сидел, вернее, полулежал, перелистывая страницы, отказавшись от обеда. К вечеру вошел на террасу, где собралась семья, очень серьезный, значительный, подняв руку, торжественно произнес:

— Ныне отпускаеши раба божьего, ибо видел я сегодня возрождение русской литературы!

— Вы так думаете? — робко спросила Решетовская.

Теперь сближение двух семей пошло стремительно. Писатель обрел читателя, а читатель — писателя. Для Солженицына, выросшего без отца, в духовном одиночестве, этот старый человек воплощал в себе не только культурную традицию начала века, столь дорогую сердцу всякого подлинного русского интеллигента, но и стремление к духовному знанию, к религиозности в широком смысле слова, несомненно, свойственной мировоззрению писателя.

Кто из людей потаенной российской культуры не испытывал этого острого чувства духовной близости, возникающего к внезапно обретенному единомышленнику! Среди окружавших нас страхов и немоты мы сближались осторожно, ощупывая друг друга как слепые, по деталям поведения, отдельным репликам узнавая своего, и как же многогласны и ненасытны были взаимные излияния, когда барьер отчуждения оказывался преодолен. Возможно, люди, выросшие в обществе подлинной свободы, не знают таких всплесков человеческой близости.

Теуши ездили в Рязань читать никому еще не показываемую рукопись «В круге первом». Солженицын согласился прочесть пьесу «Свеча на ветру» в кругу «своих стариков» — на квартире Каменомостских.

В преддверии публикации «Одного дня Ивана Денисовича» поездки в Москву стали частыми. И каждый раз после визита в «Новый мир», встреч с новыми людьми — обязательно вечером к Теушам — полный отчет о событиях, знакомствах, разговорах. Для памяти все увиденное и услышанное заносилось мелким четким почерком на небольшие карточки.

При встрече и прощании целовались. С полученного за «Один день» аванса предлагалась сумма, и немалая по тем временам, — добавка к пенсии. И какого труда стоило отказаться от предложенных денег! После получения всего гонорара — идея построить дом за городом и жить вместе. Это был настоящий роман двух семей. И как жестоко, как страшно разрушила жизнь тот роман!

Духовная миссия писателя

События меж тем шли своим чередом. Отданная Копелевым в «Новый мир» рукопись «Одного дня» попала к редактору отдела прозы Анне Самойловне Берзер. Ей удалось передать повесть непосредственно Твардовскому.

Все это стало апокрифом русской литературы, вошло в ее историю. Как Твардовский начал читать «Один день» вечером, в постели, и как после первых страниц встал, оделся, сел за стол, одержимый, судя по всему, тем же чувством огромного открытия, которое охватило в свое время Теуша.

Пытаюсь восстановить в себе первое, непосредственное ощущение от солженицынской прозы. После размытой, олеографической гладкописи, заполнявшей литературные журналы, после привычных умолча-

ний и подмалевок действительности сгусток реального бытия, данный во внутренних монологах, в живой пульсирующей народной речи, вызывал эффект грозового разряда, мгновенно удивившего читателя из иллюзорного в достоверный, хотя и страшный мир. У этой прозы был какой-то завораживающий ритм, подчиняясь которому ты шел кругами вниз, вниз, к истокам жизни, к главным вечным ее вопросам.

Хвалебные рецензии, появившиеся словно по мановению державной руки, разрешившей публикацию повести, конечно же, не могли выразить всей сложности ассоциаций и чувств, вызываемых ею. Да и не верили многоопытные газетные и журнальные редакторы, что этот саморазоблачительный ренессанс всерьез и надолго. Исключением служила разве что статья Лакшина в том же «Новом мире».

Но и Лакшину невозможно было с полной откровенностью размышлять о Солженицыне. Гильотинный нож партийной цензуры висел над головой редактора каждого издания. С безоглядной свободой обсуждать новое явление русской литературы могла только свободная и, стало быть, непрофессиональная критика. Таким первым свободным критиком «Одного дня» и стал Вениамин Львович Теуш.

В соответствии с исповедуемым им учением он видел повесть не только в контексте литературном, политическом, но и гораздо шире — в плане духовного развития человека на его пути к обретению подлинной свободы.

Истоки этого пути, по антропософским понятиям, в предыстории, когда человек, не обладая ни мышлением, ни способностью познания, ни ощущением собственной личности, в сумеречном ясновидении как бы растворялся в некой духовной субстанции. Библейское грехопадение и изгнание из рая состоит в том, что это существо, подчиняясь внешнему импульсу, покинуло свою духовную родину и начало погружаться в чувственный материальный мир. Способность бессознательного ясновидения стала ослабевать, зато начали появляться логическое мышление, познание окружающего, ощущение личности и, наконец, свободы.

«Этот долгий и тяжелый путь развития человека к свободе, — пишет Теуш, — изобилующий великими достижениями и страшными катастрофами (не только внутри человека и человечества, но и в окружающем физическом мире), должен привести к возвращению человечества в духовный мир собственными силами каждого отдельного человека как свободной личности, обладающей ясным мышлением, развитым «я» и совершенными нравственными и волевыми качествами.

Искусству на этом пути отведена роль ариадниной нити, соединяющей человека с его духовной родиной».

Казалось бы, как можно связать со столь отвлеченными историософскими и духовно-религиозными построениями лагерную повесть с ее стереоскопическим бытовым натурализмом? Но критик видит в сошествии искусства в сталинский концлагерь проявление высшей духов-

ности, вплавляя солженицынские сюжеты в контекст мировой литературы от Данте до Толстого и Достоевского.

Особенно занимает его читательская реакция на «Один день». Повесть, по его мнению, стала лакмусовой бумажкой, выявляющей, жива ли душа человека, открыта ли навстречу будущему.

Вениамин Львович анализирует в статье почту, полученную писателем. Всего пришло семьсот писем. И каких писем — несущих в себе полярные мнения, страстных, предельно искренних, выражающих как светлые, так и темные, низменные проявления человеческой души. Они, как и вся статья, не потеряли своего значения и до сей поры, оставаясь фактом нашей социальной истории.

Чтобы прочесть и проанализировать письма, Теуш отправился к Солженицыну в отрезанную от мира весенним разливом реки глухую рязанскую деревушку, где писатель уединялся для работы. Там они и жили вдвоем — писатель и критик.

В 1964 году статья была закончена и без подписи пошла в самиздат, а в 1967 году под псевдонимом Д. Благоев и названием «А. Солженицын и духовная миссия писателя» опубликована в двух номерах издаваемого во Франкфурте эмигрантского русскоязычного журнала «Грани».

Дело Теуша

В середине шестидесятых годов герой нашего повествования живет напряженной творческой жизнью. Старость, как это нередко бывает у людей живой души и интеллектуального труда, не принесла ни одиночества, ни духовной изоляции. К тому же время на дворе стояло особое. С двадцатого съезда, обнажившего природу сталинизма, и до ввода советских войск в Чехословакию, показавшего, что агрессивная империалистическая сущность строя осталась неизменной, длилась политическая весна страны, именуемая шестидесятыми годами.

После десятилетий террора, угасившего, казалось, всякое свободомыслие, выяснилось, что подземные родники не пересохли. В разных городах страны, в ссыльных поселениях, в московских коммуналках находились те, кто читал, думал, писал, теплил свечу духа. Эти уцелевшие интеллигенты вместе с невесть откуда взявшимися и жадно внимавшими им представителями молодого поколения российской культуры и создавали ту среду шестидесятников, которая, в свою очередь, перекинула мосты через брежневские годы в наше смутное и вольное время.

Типичный социальный срез шестидесятничества мы видим в окружении Теушей. В него входили философ и культуролог Григорий Померанц, в чьей судьбе уместились и война, и лагерь, и открытые публикации в эмигрантских журналах. Его жена — религиозная поэтесса Зинаида Миркина. Литературовед Леонид Пинский, один из блистательных профессоров Московского ИФЛИ. Антропософ Мачерет. Молодой последователь учения Штейнера, общенный к нему Вениамином

Львовичем, инженер Илья Зильберберг. При разности возраста, взглядов, характеров всех их объединяла независимость мышления, способность противостоять тоталитарной идеологии. То была одна из многих московских интеллигентских компаний. А сколько их насчитывалось в Ленинграде, Киеве, других городах!

Впрочем, сколько их насчитывалось, могло сказать некое специальное ведомство. Оно действовало под именем пятого главного управления КГБ, созданного для борьбы с идеологической диверсией. Не костоломы сталинских времен, вполне современные и нередко образованные, окончившие философские и юридические факультеты люди входили в него. Эти ребята не желали даром есть свой хлеб. Накапливались досье, расширялись агентурные сети. В тиши лубянских кабинетов расшифровывалось авторство сочинений Абрама Терца и Николая Аржака, издававшихся за рубежом,— готовился процесс Синявского и Даниэля.

И Теуши вдруг почувствовали на себе чье-то пристальное внимание. То какие-то молодые люди вдруг начинают изо дня в день фланировать под окнами, то некий человек с чемоданчиком упорно пытается присесть на скамейку, где Вениамин Львович сидит с Зильбербергом.

Когда настала пора летнего отдыха и понадобилось уезжать на курорт в Друскининкай, решили отдать секретные бумаги на хранение к Зильбербергу. Он тоже собирался отдыхать, но в квартире оставалась тетка, почти не выходящая на улицу. Прятать же было что. Кроме собственного самиздатского сочинения, Теушам доверил свой архив Солженицын.

Вернулись в начале сентября. Неделью спустя в квартире раздался звонок. В дверях стояли двое приветливо улыбающихся молодых людей: «Товарищ Теуш?»

Обыск длился несколько часов. В огромный мешок побросали книги по философии, антропософии, «Доктора Живаго». В последний момент обратили внимание на небольшой чемоданчик, стоявший на шкафу: «А там что?» Там были три экземпляра «В круге первом», возвращенные из «Нового мира». Забрали и это.

В тот же день шел обыск у Зильберберга. Изъятое у него собрание рукописей и книг дает представление о ментальности типичного молодого шестидесятника. Машинописная копия Евангелия (где ж было взять саму книгу?), стенограмма суда над Бродским, «Несвоевременные мысли» Горького. И наконец, то, что лубянские мальчишки искали,— статья Теуша «О художественной миссии А. И. Солженицына», и то, что оказалось для них приятным сюрпризом,— архив писателя.

И завертелось, и пошло... В лубянских кабинетах формировали «Дело об антисоветских рукописях о творчестве Солженицына», в просторечии — дело Теуша. От Вениамина Львовича добивались признания авторства. Разумеется, никаких пыток, избиений и прочих привычных для следователей сталинских времен методов воздействия теперь не применяли. Но настойчиво доводили до сведения, что, если признания не вос-

последует, придется предъявлять обвинение в лжесвидетельстве. Грозил ссылкой. Семья уже готовилась к новому существованию, постепенно свыкаясь с обрушившейся на нее бедой.

Солженицына уведомили немедленно. Встретились на квартире общих друзей. Выслушав подробности обыска, он схватился за голову: «Опять тюрга!» Душевная рана его и ужас были так велики (для человека, прошедшего лагеря, перспектива их вдвойне непереносима), что общение с Теушами практически прекратилось. Во всяком случае, в квартире; оскверненной кэгебэшными руками, он больше не был. Встречи возобновились после переезда семьи годы спустя в другой район Москвы.

Конечно, это было жестоко по отношению к немолодым людям, к тому же оказавшимся в такой трагической ситуации. Они-то не произнесли ни слова осуждения в адрес своего кумира.

Бурная реакция Запада на процесс Синявского и Даниэля показала его организаторам издержки подобных акций. Идея второго такого процесса утасла, и дело Теуша закрыли.

Жизнь потекла своим чередом. Но каждый год приносил факты противостояния власти и общества. 1967-й — открытое письмо Солженицына съезду писателей. 1968-й — выход первого номера Хроники текущих событий, процессы Галанскова — Гинзбурга, участников демонстрации протеста против ввода войск в Чехословакию. В 1969-м появляется работа Амальрика «Просуществует ли Советский Союз до 1984 года?». 1970 год — начало еврейской эмиграции, процесс «самолетчиков», протесты мировой общественности против смертного приговора двум его участникам.

В октябре того же года Солженицыну присуждается Нобелевская премия. А еще четыре года спустя его высылают на Запад.

Вениамин Львович Теуш умер в 1973-м. Александр Исаевич прислал вдове горестное письмо, обещал прийти. Да, видно, не получилось.

Еще несколько лет спустя к Сусанне Лазаревне пришел неизвестный человек. Сказал, что он от Солженицына, что Александр Исаевич просит портрет Вениамина Львовича. Сусанна Лазаревна дала фотографию. Она ушла за кордон. Это и был последний привет.

P.S. Жизнь, а вернее, смерть, внесла поправку в это повествование. В конце февраля 1991 года, когда статья была написана, Сусанна Лазаревна Теуш умерла.

Март 1991 года

ЗАЛОЖНИКИ

Вопреки всему увиденному и услышанному впоследствии город при первом знакомстве производил впечатление благостное. Скверы и парки в свежей листве начала лета. Краснокирпичной купеческой стройки дома в центре. Пустые в рабочий полдень улицы. Обычное монументальное оформление — на площади перед горсоветом простирает руку Ленин, поодаль в запущенном сквере всматривается вдаль молодцеватый Чапаев — в заломленной папаше, с шашкой на боку. Оба — и вождь, и комдив — выкрашены коричневой краской. Перед постаментом вождя — трибунка. И трибунка, и свежее выкрашенный вождь убеждают: у нас не то что у других — и памятники не свергают, и на демонстрации ходят.

Все остальное — как у других: девственно чистые полки продмагов, в обшуге на улице Ленина — огромные кирзачи и матерчатые тапочки по 18 р.

День спустя, на депутатском собрании в горсовете, я услышу и о преступности, измучившей город, — каждую ночь взламывают гаражи, поджигают дачи, в цыганском районе — окраинном поселке Владимирский — на барахолке все купишь — от наркотиков до взрывчатки. Скорее, скорее муниципальную милицию создавать, пусть скинут заводы, хоть патрули будут! И о вечных счетах с областным центром — там и яйца, и рис, а у нас перловка да ячневая. Даже на детскую обувь талоны не отоваришь. Буду свидетелем вспышки страстей вокруг диоксида — страшного яда, появившегося в городском водопроводе. Председатель исполкома утверждал, что это только преддиоксин, а женщина-депутат — сам диоксин, и в любой момент каждый, попив водички, может на тот свет отправиться.

Но все это — страх, гнев, зависть — завтра. А сегодня солнечный полдень, тихо, сонно.

Иващенко — Троцк — Чапаевск. За свою почти столетнюю историю город дважды менял название. В начале века он назывался поселок Иващенко, потом несколько лет — Троцк и, наконец, вот уже шестьдесят лет — Чапаевск. Все три имени так или иначе вызывают ассоциации военные. Иващенко был артиллерийский генерал, основавший здесь, в сотне километров от Самары, вскоре после русско-японской войны завод по производству взрывчатки. Троцкий, будучи военным лидером страны в начале двадцатых, также приложил руку к развитию здесь оборонной промышленности. А уж имя Чапаева дали городу после высылки Троцкого из страны.

Сейчас местная пресса называет Чапаевск заложником военного ведомства. В самом деле, не так-то часто встретишь в России город, три крупнейших предприятия которого принадлежали бы к одному министерству — оборонной промышленности.

По соседству с основанным генералом Иващенко заводом взрывчатки, которой здесь же начинают корпус артиллерийских снарядов, рас-

положено предприятие, изготавливающее детонаторы, а чуть дальше — полигон по испытанию снарядов. У всех трех заводов невинные названия — производственное объединение «Полимер», заводы «Металлист», опытных измерительных приборов, но этот камуфляж не способен обмануть и ребенка. Из 83 тысяч городских жителей не найдется ни одного, который бы не знал, чем занимаются заводы.

Чем объяснить такую концентрацию военного производства в небольшом городе? Так сложилось исторически, отвечают старожилы, да и, судя по всему, оборонному ведомству удобно было строить одно предприятие рядом с другим на действующих коммуникациях, сложившейся инфраструктуре.

Впрочем, горожан никто никогда и не спрашивал, какую промышленность здесь развивать. Уже в нынешние времена попытка продолжить развитие в том же направлении — начать производство на построенном, как и все остальные объекты города, под покровом секретности, завода по уничтожению химического оружия (на сей раз по уничтожению!) — вызвала бурную общественную реакцию. Пикеты, демонстрации, прошедшие по улицам не только Чапаевска, но и соседнего Новокуйбышевска, Самары, кампания в прессе — все это заставило законсервировать завод, сооружение которого обошлось в 50 миллионов.

Жителей Чапаевска можно понять. Город — на пороге экологической катастрофы. Наряду с заводом по производству взрывчатки здесь имеется еще и предприятие минеральных удобрений. И если первое время от времени выбрасывал в воздух пары серной кислоты, то стоки второго заставили задуматься о засыпке речки Чапаевки, на которой стоит город, и прекращении речного сообщения. На дне Чапаевки скопились миллионы кубометров ила, отравленного гексахлораном.

Мало экологических бед. Время от времени город сотрясает взрыв. Это профессиональная опасность рабочих объединения «Полимер». Взрыв обычно уносит несколько человеческих жизней, оставляя на месте производственного помещения лишь огромную воронку. Производство взрывчатки притягивает скупщиков оружия. Вокруг заводов — черный рынок, на котором можно купить ящик тротила, десяток детонаторов. Раньше среди покупателей были в основном браконьеры, глушившие рыбу. Сейчас, когда на окраинах империи полыхают межнациональные войны, оружие скупается для целей военных.

Директор Панов. Заводоуправление «Полимера» — в центре города. Массивное, сталинских времен здание. В вестибюле доска со списком заказчиков — никаких названий, только номера. Комнаты без табличек, с наборными устройствами сложных замков. Здешний хозяин виделся властно-агрессивным распорядителем тысяч человеческих душ, эдаким современным ястребом. Звонил я ему не без опаски, от встречи не откажется, как-то не принято нынче прессу игнорировать, а вот завод показать... Оборонка.

— Хотите посмотреть производство снарядов?

Евгений Владимирович Панов полноват, моложав, добродушен. Ему немногим за сорок, химик, специалист по взрывчатым веществам, местный уроженец. Директором стал после очередного взрыва, унесшего одиннадцать жизней. Это было в 1985-м. Тогдашнего директора сняли.

Стоим у конвейера, по которому плывут 120-миллиметровые снаряды, аккуратно покрашенные в серую краску, набитые розовой взрывчатой массой.

Обыкновенные металлические чушки со взрывчаткой. Взял одну. Тяжеленькая, с пуд весом.

— А если уроню?

— Ничего особенного, роняйте, — усмехнулся Панов. — Он же без взрывателя.

— А как же...

— Вы имеете в виду последний случай? Так там же возчик уронил с саней на рельсы мешок с взрывчаткой. Поезд наехал — трение огромное. Взрыв.

— Вы что же, на лошадях ее возите?

— А почему бы и нет? У нас семьдесят лошадей.

На следующий день я увидел его жестким, собранным. В горсовете напутствовали председателя Мальцева, уезжавшего в качестве народного депутата на российский съезд. Спрашивали о том, кто его фавориты на предстоящих президентских выборах. Ответил: Ельцин, Рыжков, Макашов. Встал Панов: «Неужели вы считаете, что генералы Макашов и Громов, не имея никакого политического опыта, могут претендовать на президентский и вице-президентский посты?» А потом в возникшей перепалке высказал всю свою политическую программу: всенародные выборы в Верховный Совет без всяких там выдвижений от общественных организаций. Коалиционное правительство, и на год — чрезвычайное положение.

Снег на голову. Когда в конце 1987 года в политический обиход вошло слово «конверсия», никто в Чапаевске всерьез и не помышлял о сокращении военного производства. Да, договоры об уничтожении ракет, об уменьшении обыкновенного вооружения, декларации о демилитаризации общества... Все это где-то там, наверху, — в Москве, и еще дальше — в Вашингтоне. А здесь сложившийся порядок — незывлемый, как незывлем мир. И потому первые отказы от снарядов, первые министерские телеграммы об уменьшении выпуска были как снег на голову. Только за два года — в 1990-м и 1991-м — объем военных заказов на «Полимере» сократился на тридцать процентов, что составило 120 миллионов рублей. Чем и как возместить такие потери?

Объединение не первый год выпускает гражданскую продукцию — лаки, краски, синтетические моющие средства. Это тоже химия, как и при производстве взрывчатки, только иного профиля. Так что здешних оборонщиков нельзя упрекнуть в переходе от самолетов к ско-

вородкам (такова ироническая реминисценция, часто встречающаяся сейчас в советской печати и свидетельствующая о потере интеллектуального потенциала и технического опыта в ходе конверсии). Деревообрабатывающее производство, всегда существовавшее на «Полимере» для изготовления снарядных ящиков, позволило наладить выпуск мебели, благо лаки опять-таки свои.

Сейчас объединение лишь наполовину военное. У пятидесяти процентов его продукции гражданское назначение. Но такое перепрофилирование привело к потере прибыли и, стало быть, к уменьшению средств, идущих на социальные нужды рабочих. Почему взрывчатку производить куда выгоднее, чем бытовые краски и стиральные порошки?

Цены на заказанную им продукцию Министерство оборонной промышленности устанавливало вроде бы не очень высокие, по принципу — чтобы не разбогател завод, но и ноги не протянул. Минобороны пром, в свою очередь, за снаряды платит Министерство обороны из средств, выделяемых госбюджетом. Определить общественно полезные затраты труда, которые должны лежать в основе цены, здесь невозможно. Ведь стоимость взрывчатки диктует не рынок, а административное решение. Во всяком случае, Панов знает: разориться ему не дадут. А возникни какая-нибудь критическая ситуация — скажем, забастуют его рабочие, потребовав более высокой заработной платы, — могут и поднять цену на продукцию за счет работы все того же печатного станка.

Отняв у директора свободу выбора продукции, отяготив его государственным заказом, министерство все же какую-то ответственность за судьбу предприятия несет, во всяком случае, в той мере, в какой оно выпускает взрывчатку. Но вот директор получает возможность выбирать себе гражданские изделия, работать на потребу населения. Спрос велик на все что угодно, потребительский рынок, как сухая губка, жадно впитывает любой товар — будь то краски, стиральные порошки или мебель. Все дефицитно. И действуя Панов в условиях свободного рынка, он начал бы выпускать эти краски и порошки по высоким свободным ценам, пока спрос не будет удовлетворен.

Но страна только идет к рынку, во всяком случае, ее правительство уверяет, что идет. Это означает, что на одни изделия цены отпущены, а на другие — для защиты интересов потребителя — зафиксированы. Как это выглядит применительно к объединению «Полимер»? Выпускаемая им кровать не может стоить больше 150 рублей. А поставщик матрасов для кроватей сообщает новую цену — 158 рублей. Матрас дороже, чем кровать! Объединение вынуждено искать нового поставщика (но и у того цена высока) или прекращать производство кроватей, отчего дефицит мебели становится еще острее.

Валютные мечтания. Выпуск кроватей, лаков, красок и стиральных порошков является, строго говоря, результатом не конверсии оборонного производства, а его диверсификации, то есть расширения отраслевой

номенклатуры изделий одновременно с изготовлением военной продукции, а не вместо и за счет нее. Пойти на настоящую конверсию Панов пока не может. Хотя проекты имеются весьма соблазнительные. Вот, скажем, такая идея. В стране не хватает кровезамещающих препаратов. Донорской крови в связи со СПИДом заготавливается все меньше, а потребность в кровезаменителях, получаемых химическим путем, растет. Они нужны при операциях, катастрофах, военных действиях. В стране производится лишь 56 миллионов флаконов таких препаратов, а необходимо 300 миллионов. Изучив технологию производства этого продукта, на «Полимере» пришли к выводу, что она им вполне по силам: есть и специалисты, и производственные площади.

После вредных и опасных процессов изготовления взрывчатки выпуск кровезаменителей казался занятием благотворительным, меняющим образ жизни не только завода, но и города.

Предстояло закупить в ФРГ оборудование, своего в Советском Союзе не изготовляли. Требовалось около десяти миллионов инвалютных рублей. С просьбой об их выделении в Совмин обратились три союзных министра — оборонной, медицинской промышленности и здравоохранения. Отказ. Нет валюты.

Горькие плоды свободы. Незадолго до моей поездки в Чапаевск в Самаре на производственном объединении «Завод имени Масленникова» собрался технико-экономический совет Минобороны. Обсуждали ход конверсии. Выступление заместителя генерального директора по экономике объединения А. Громова напечатала «Экономика и жизнь». Те же заботы мучают его, что и Панова, — дыры в плане прибыли, попытка расширить выпуск ширпотреба, мечта о валюте, без которой серьезной продукции не освоить.

Но вот такая подробность поразила меня. Привыкнув всю жизнь получать заказы из рук министерства, завод впервые попытался изучить конъюнктуру рынка своих гражданских изделий. И сразу же сделал поразившее его открытие. Оказывается, медицинский прибор, который он здесь продает за тысячу рублей, в Англии стоит пять тысяч фунтов стерлингов.

Можно, конечно, удивиться тому, что предприятие, много лет выпускающая продукцию, не поинтересовалось ее ценой на мировом рынке. Но надо себе представить отъединенность, отгороженность от мира заводов нашего военно-промышленного комплекса, зажатость их в жестких административных путах. Для чего интересоваться ценой на рынке, на который все равно не попадешь? И когда эти пути несколько ослабли, когда в жесткой системе запретов образовались щели, сквозь которые при определенных усилиях и условиях можно было выйти и на мировой рынок, охоты пользоваться этими условиями уже не оказалось.

Получив при выпуске гражданских изделий минимум хозяйственной самостоятельности, оборонное предприятие — словно зек, выпущенный на волю. И воля-то сомнительная, кругом ограничения и запреты,

а все же самому надо решать, как жить, строим тебя никто больше не поведет и миску баланды перед тобой не поставит.

Ведь что такое для завода работа на оборону? Это прежде всего могущественный и богатый заказчик с неограниченными ресурсами. Он тебя в условиях строгой секретности и от вмешательства общественности оградит, и параметры изделия продиктует, и качество продукции контролирует — отечески строгого военпреда в цех поставит. А в «гражданке»? Покупателей — множество. Ресурсов — денег, материалов — всегда не хватает. Производственные циклы неопределенные. Технологии открытая, каждый в нее свой нос сует. А тут еще и рынок надо изучать, с неведомыми ранее службами маркетинга дело иметь. Как тут не растеряться?

Окружающий тебя хозяйственный мир расширился. Но что он собой представляет? Невесть откуда взялось множество фондов, банков, клубов конверсии. Одни заняты распродажей и утилизацией военного имущества, другие — поиском инвесторов, обменом технологиями и прочими посредническими и консультационными услугами. Кого слушать? На кого делать ставку? Многое видит директор. И пену — коррупцию, попытки сорвать куш и уйти в тень, и стремление бюрократии капитализировать свои связи, создать себе «крышу» в преддверии развала административно-командной системы. Тем не менее без поводыря, советчика в бурном мире новых отношений не обойтись.

Тех, кто поскромнее, этот мир пугает, и они, не мудрствуя лукаво, пытаются расширить цехи ширпотреба и таким образом залатать дыры в бюджете, рожденные сокращением военных заказов. Другие, более смелые, бросаются в объятия новых деловых структур — налаживают контакты с кооперативами, совместными предприятиями, пытаются получить зарубежные инвестиции. Такое соприкосновение двух разнородных хозяйственных укладов рождает элементы хаоса, вообще свойственного экономике переходного периода, переживаемого Советским Союзом.

Химплощадка. В городском телефонном справочнике этот объект называется «Химплощадка». Позвонил. Представился. Через полчаса подбехал капитан. На военном «уазике» едем в степь. В десятке километров от города — очертания химического производства — цистерны, трубопроводы, ангары. В отличие от «Полимера», где на всем патина времени, следы многократного ремонта, здесь все новенькое, чистое, серебрищееся современными покрытиями. Это и есть знаменитый завод по уничтожению химического оружия.

Идея была проста, как апельсин. Берется снаряд с отравляющим веществом, почти такой же, как артиллерийский на «Полимере». Только начинка не розовая, а темная, фосфорорганическая. Так же, как и артиллерийский без взрывателя, он безобиден без зарядного устройства. В корпус накачивается нейтрализатор — щелочь, превращающая отравля-

ющее вещество в так называемую реакционную массу, которая потом сжигается.

— Причем сжигается не здесь, понимаете, не здесь, — подчеркивает мой гид, полковник Вячеслав Константинович Соловьев.

Смысл его часового монолога в одном — технология уничтожения химического оружия с самого начала была задумана как абсолютно безопасная. Общественные страсти раздувались людьми, которые наживали на этом политический капитал. Областные власти, конечно же, знали, какой объект строится под Чапаевском, а потом делали вид, что не знали, пытаясь использовать общественное возбуждение в своих популистских целях.

Полковничье в моем собеседнике ни капли. Яркая летняя курточка, живая, свободная речь. Ученый. Специалист. Химик. Он и есть военный химик, один из создателей этого завода. Господи, какую ж ненависть вызывал в городе этот воспитанный человек! Говорят, демонстранты даже чучело с его именем сжигали. Сейчас трудно себе представить, что здесь творилось несколько лет назад. И то, что меня так вот, с ходу, пустили на объект, который в «старые добрые времена» считался бы сверхсекретным, — тоже результат тех событий. Соловьев множество людей провел по этой территории, втолковывая и объясняя то же, что и мне.

— И все же как можно было размещать такое сложное и, что бы вы мне ни говорили, потенциально опасное химическое производство в окрестностях города, и так перенасыщенного химией?

— А где? — вопросом на вопрос отвечает Соловьев.

— В пустыне, в тайге, у черта на рогах. Американцы ж делают это в пустынном штате Юта и на тихоокеанском острове.

— У них так исторически сложилось.

— У нас-то почему все так исторически не складывается?

— Поймите вы, здесь коммуникации, дороги, наконец, земля, где мы стоим, Министерству обороны принадлежит. В пустыне все вышло бы в десятки раз дороже.

Да, конечно, здесь удобно и дешево, как удобно и дешево было некогда сажать на городские магистрали один за другим военные заводы, пока город не стал перед экологической и социальной катастрофой. «Не гонялся бы ты, поп, за дешевизною». А то, что люди измучены, доведены до отчаяния и, узнав из зарубежного выступления одного из лидеров страны о строительстве у них под боком еще одного химического производства, пусть на сей раз связанного и с разоружением, приходят в бешенство? Опять химия, опять в секрете, да за кого ж нас принимают, люди мы или подопытные кролики? И пошло, и пошло. Ничего удивительного, что местные власти примкнули к этому движению. Тут не популизм дешевый, уцелеть хочется. Времена такие. Вот и стоят омертвленные пятьдесят миллионов.

— Что ж здесь теперь будет?

— Учебно-тренировочный центр. Начнем отрабатывать приемы уничтожения химического оружия, — отвечает Соловьев. И торопливо добавляет: — На имитаторах, конечно, отравляющих веществ здесь не предусмотрено.

— И где же будут применять полученный опыт?

— О-о, это вопрос сложный.

Вопрос и в самом деле непростой. Чапаевский завод был рассчитан на уничтожение 200 тонн отравляющих веществ в год. А всего их в стране накоплено 40 тысяч тонн. Уничтожение должно в соответствии с советско-американским соглашением начаться не позднее 31 декабря 1992 года, с тем чтобы к 1995 году ежегодный темп достигал не менее тысячи тонн. К концу десятилетия необходимо уничтожить половину всех запасов и к концу 2000 года выйти на минимальный уровень — по пять тысяч тонн ОВ у каждой стороны. Так договорились прошлым летом в Вашингтоне.

Но до начала уничтожения осталось меньше полутора лет, а в военно-промышленных кругах спорят, какой вариант принять. То ли ликвидировать оружие в местах его производства, то ли сосредоточить процесс в едином огромном центре. В одном случае — опасность создания заводов, подобных чапаевскому, в таких же густонаселенных районах, риск общественного возмущения. В другом — попробуй свежи страшный груз в одно место по железным дорогам. Тут катастрофических прецедентов тоже больше, чем достаточно. Но какой вариант ни возьми — два с половиной миллиарда рублей в бюджете находи. А что такое наш бюджет, говорить не приходится.

Фантомная экономика. Что же происходит? Почему такое благое дело, как конверсия оборонных отраслей, вырождается в свою противоположность — заводы теряют прибыль, люди — заработок, государство не знает, как выполнить международные договоры. Или у нас, как у героя Гоголя, руки так устроены — за что ни возьмемся, все ломаем?

Конечно, никто не полагает, что дело это простое. Лишь в начальный эйфорический период — в 1988 году — казалось: отвори ворота на военно-промышленный материк — клады найдешь. Павлов, тогда министр финансов, заявил: только от распродажи военного имущества и уменьшения расходов на армию получим 1,7 миллиарда рублей. Министрство обороны представило в Госнаб список продаваемого оборудования, и чего там только не было — от вспомогательных судов до транзисторов. А сколько проектов — как приспособить ракетные тягачи для перевозки цистерн с квасом, как на военной ракете поднимать на высоту геофизические приборы...

Скоро пришло отрезвление. Выяснилось, что приспособить военную технику для мирных целей без основательной и дорогостоящей ее переделки невозможно. Оборонные предприятия, в свою очередь, жаловались на огромные и всевозрастающие сверхнормативные запасы, возникшие при внезапной остановке производства. По данным Пром-

стройбанка, таких непрочредитованных запасов на предприятиях ВПК скопилось на 3,5 миллиарда рублей. Переход же этих заводов на мирную продукцию шел крайне медленно. Перепрофилирование требовало денег, и немалых. Рыжков заявил, что на эти цели требуется 9 миллиардов рублей.

Все настоятельнее звучали голоса, требующие издания двух документов — Закона о конверсии, регламентирующего взаимоотношения государства и конверсируемого предприятия, и государственной программы конверсии с конкретными показателями, сроками и направлениями работ, цифрами капиталовложений. В декабре прошлого года такая программа была утверждена. И сразу же на нее обрушился залп критики.

Три четверти капиталовложений, предназначенных для конверсии, а выделено на пятилетку сорок миллиардов, должно уйти не на пере-профилирование военного производства, а на развитие гражданского, без всяких на то оснований включенного в ВПК. Выпустите все эти заводы, изготавливающие магнитофоны, телевизоры, холодильники и стиральные машины, из железных объятий оборонного комплекса, требовали критики. Дайте им возможность выйти на свободный рынок вместе с некоторыми военными предприятиями. Дело государства — создать стимулы для конверсии: организовать специальный фонд, предоставить налоговые льготы, позаботиться о трудоустройстве людей. А по каким направлениям пойдет конверсия — должен решать рынок. Но рынок требует иных хозяйственных отношений, иной деловой этики — четкости, трезвости, правды.

Строго говоря, никакой структурной перестройки экономики, к которой должна приводить конверсия, не происходит. Конверсия — это прежде всего пере-профилирование военных предприятий на соответствующую их техническому уровню наукоемкую гражданскую продукцию. У нас же чаще всего идет параллельный с несколько сокращенным военным производством выпуск товаров народного потребления или диверсификация.

Дело тут, конечно, не в терминах. Краски, стиральные порошки и медицинские приборы обществу нужны, но стоимость этих полезных предметов была бы куда меньше на обычных гражданских заводах, приспособленных для их выпуска и не обремененных огромными накладными расходами на выпуск военной техники.

Это ощущение подмены понятий, мнимости, можно даже сказать, фантомности экономики усиливается, когда пытаешься представить себе, каковы же финансовые истоки конверсии — размеры наших военных расходов. Разброс показателей столь велик, что исчезает всякое представление о реальности — от 65 миллиардов в официальных документах до 350—480, называемых самыми смелыми аналитиками.

Откуда такой разброс? Методы учета оборонных расходов связаны с механизмом ценообразования. На Западе он рыночный — конкуриру-

ющие фирмы борются за военные заказы, устанавливая цену в соответствии с рыночной конъюнктурой. В Советском Союзе — директивный. В результате возникает странный парадокс: когда печально известный концерн АНТ попытался продать за рубеж авиационный двигатель МИГ-23, выяснилось, что в Советском Союзе он стоит 400 тысяч рублей, а за границей за него давали два миллиона долларов.

Однако наша военная техника дешева для армии, но не для общества, сполна оплачивающего все издержки. Иными словами, разница между американской и советской ценой авиационного двигателя раскладывается на плечи всех советских людей — и рабочих военных заводов, получающих за свой труд гроши, и всего остального населения с его ужасающе низким уровнем жизни.

Такая мнимая дешевизна имеет вполне реальные результаты. Идучи по цехам чапаевского объединения «Полимер» в обеденный час, я обратил внимание на непривычно большое количество людей, закусывающих прямо в цехе.

— У вас что, нет столовой? — спросил я у Панова.

— Есть, и неплохая.

— Так почему ж не ходят обедать?

— Дорого. Цены поднялись, обеды дороже стали.

Раза два директора останавливали рабочих, что-то жарко втолковывая ему. Это, как оказалось, кипели страсти вокруг распределения участков под огороды.

Что ж, так было всегда в трудные для России годы — в революции, войны, послевоенные времена — бутерброд на обед и воскресенье, отданное возделыванию картофеля, спасающего человека от голода.

Май 1991 года

ШИГОНСКИЕ ХРОНИКИ

Шигонский район — на западе Самарской области. Население — 26 тысяч человек. 17 колхозов и совхозов. Райцентр — село Шигоны — в 30 километрах от Сызрани, 180 — от Самары, в тысяче километров от Москвы.

Пирамида. Под конец мы с Миловым отправились на особый, так и хочется сказать, секретный объект — в правительственный санаторий «Волжский утес».

Перед нашей машиной поднялся шлагбаум, и мы оказались в ином мире. На склоне горы вольно раскинулся многоэтажный белый дворец современных архитектурных очертаний. Просторные холлы, уставленные импортной мебелью. Нога тонула в пушистых коврах. Кожа, хрусталь. На всем — от люстры до дверной ручки — отпечаток богатства, довольства, утонченного вкуса, предупредительной заботы о людях.

Вокруг дворца — всякие пейзажные радости в стиле «ля рюсс» — рыбацкая деревня, русская баня, харчевня. Чтоб не забывали о корнях!

Поодаль, вверх по змеящимся асфальтовым дорожкам — святая святых, то, куда нас тогда не пустили, — госдача, где отдыхают члены ПБ. И хоть пуста она большую часть года — особый шлагбаум и особая охрана преграждали путь.

Думаю, что повез меня Милов в «Волжский утес» не без умысла — чтобы знал на всякий случай: вот какие объекты расположены на территории его района, вот на какой уровень он может в случае необходимости выйти.

Мне же запало в душу другое: высшая точка, пик власти — госдача. Ниже — средний этаж этой власти — санаторий — обитель аппарата. И совсем внизу, за зеркалом волжского залива, скудные поля и нищие села российского района.

Умный человек Анатолий Петрович Милов знал, как вести себя с корреспондентом. Главное: стараться не отпускать от себя ни на шаг. «В какой колхоз хотите? Поехали вместе...» «Не желаете ли на совещании поприсутствовать?..» И ездили, и присутствовали, в полной мере познавая глубину власти первого секретаря райкома. Без его соизволения семя не падало в землю, комбайн не выходил в поле. Все райком да райком! Казнил и миловал, распределял и награждал.

Я не возражал против такого сопровождения. Все равно ничего не скроешь. Нелепость происходившего вокруг превосходила всякое воображение. Ну, в самом деле, почему фабрику технической бумаги, изготавливаемой из хлопка, построили за околицей села Малякино, а не где-нибудь в хлопковой среднеазиатской республике? А само это несчастное чувашское село, живущее в русском окружении? Зачем его присоединили к совхозу, ликвидировав сначала местный колхоз, а потом бригаду и даже сельсовет? Местные крестьяне видят во всем этом некую античувашскую политику, уподобляют себя карабахским армянам. Зачем в селе Новодевичьем в свое время упразднили промкомбинат, снабжавший весь район кирпичом и валенками, мукой и маслом?

С позиций здравого смысла это казалось необъяснимым. Вот, например, закрывали валяльную мастерскую! Кто хотел оставить район без валенок? Тут уж опять невозможно было удержаться от классического «Кто виноват?», от которого прямая дорога вела к другому исконному российскому вопросу: «Уж не вредительство ли какое?»

— Да никто не хотел оставлять людей без валенок, — добродушно объясняли мне. — Наоборот, стремились, чтоб больше валенок стало. Концентрацию производства проводили, вывели промкомбинат из районного подчинения. Сызрани подчинили.

— Но ведь валенки-то исчезли...

Я апеллировал к здравому смыслу. Но в том-то и дело, что здесь нельзя руководствоваться здравым смыслом. Здесь действовала

иния — аппаратная логика. Уроки ее и преподавал мне любезный мой хозяин.

Фабрику создавали для производства канатов из конопля, в изобилии растущей на местных полях, а потом передали в другое ведомство, которому понадобились не канаты, а хлопковая бумага. А Малайчино в совхоз передали, так как там построили свинокомплекс, ему корма требовались, никакой античужашской политики в том не было. То, что кормов больше не стало, — вопрос другой. Тогда кампания такая шла — борьба за концентрацию и специализацию.

Откуда возникла кампания? Ясное дело: легче руководить десятком крупных хозяйств, чем сотней мелких. Естественно стягивать нити управления в один центр, распределяя оттуда фонды, блага, премии. Центростремительная сила тоталитарной системы действовала так же неутомимо, как сейчас в условиях зарождающейся демократии действует центробежная.

Разумеется, до таких обобщений мы не доходили. Разговор шел в плоскости житейской, человеческой. Милов и печалился, и подтрунивал над этими ничего не давшими народу кампаниями, над довлеющими над нами руководящими мнениями, тем более что речь шла о событиях давних, за которые ответственности он не нес. Он подчинялся теперь иным руководящим мнениям, участвовал в иных политических кампаниях, за которые, если и спросят, то лишь годы спустя. Но оба мы молчаливо понимали: не спросят. Ибо другим законом системы является ротация кадров — передвижка их с места на место с целью увода от ответственности. А если и задержался ты на месте, если и спросят с тебя, то вступит в силу третий закон системы — закон пирамиды — мне приказали. Кто? Иди выше. Потом еще выше, а там еще выше — на самую высшую точку центростремительного притяжения — туда, где белеет на склоне горы госдача. С ее обитателя попробуй спроси!

Как давно это было — пять лет назад. Каких лет! Я приезжал в Шигоны снова и снова, пытаюсь фиксировать перемены в отношениях людей, в экономике.

Летом 1988-го в Москве — XIX партконференция. Пик популярности Горбачева. Опьянение от трибунных речей, трибунной смелости, сшибка либералов с консерваторами.

В Куйбышеве — многодневный митинг на площади. По рукам ходит своего рода политическая листовка — цифры душевого потребления продуктов — обвинительный акт первому секретарю обкома.

В Шигонах — тишина. «А там во глубине России, там вековая тишина». Закон ротации кадров действует исправно. Милов пошел на повышение, стал председателем облпотребсоюза. Сменил его второй секретарь Сысуев — молодой, пригожий, в прошлом передовой колхозный председатель. Ему в затылок дышит его второй секретарь Дашков, тоже молодой и тоже недавний передовой председатель. Оба

знают: служи верно, судьба твоя обеспечена, пойдешь вверх по ступенькам карьеры.

А вот в экономике центростремительная тенденция начинает давать сбои. В нескольких селах разом поднялись крестьяне, требуя отделения от колхозов и совхозов, с которыми их некогда насильно объединили, как и малячкинцев. В прежние времена зачинщикам — «Партбилет на стол!» А нынче в селе Маза все механизаторы разом поднялись: «Хотим свой колхоз!» Пришлось делиться да еще председателей выбирать не по райкомовской подсказке, а из нескольких кандидатур.

Малячкинцам же мало отделиться. Им всему району показать себя надо: «Мы чуваши!» Богатого спонсора себе нашли — Сызранский нефтеперерабатывающий завод. Тот готов взять колхоз в аренду, с тем чтобы, выполнив план, отдав что-то в общегосударственный котел, остальное мясо-молоко себе брать. А в обмен многие миллионы на возрождение села дает.

События произошли внезапно. В феврале 90-го на собрании перед выборами в областной совет местный диссидент, я бы даже сказал, местный Гдлян — директор хлебоприемного предприятия Ховрин характеризовал кандидатов. О первом секретаре райкома Сысуеве он сказал так: «А Сысуев? Что Сысуев... Партийный работник. Для него главное — хорошо принять начальство и хорошо проводить».

Через несколько дней бюро райкома обсуждало оскорбление, нанесенное первому секретарю. После бюро Ховрин поклялся, что свалит Сысуева. И свалил.

Ховрин — мужик крепкий. Широкое, румяное простоватое лицо, клин волос падает на лоб. Прекрасный оратор-массовик. Из тех, что умеет возбудить аудиторию. Когда его не пустили на райпартконференцию, вывел делегатов на улицу и устроил митинг. Его слушают, к нему приходят обиженные, его боятся и тайно информируют о многом, хотя кое-кто из порядочных людей недолюбливает за излишнюю резкость. Как у многих популистских лидеров, у него несколько преувеличенное представление о собственной личности, ощущение себя главной пружиной событий. «Я сказал, я выступил». Все-то в районе происходит под его влиянием.

Свалил же он Сысуева серией последовательных разоблачений. Собственно, и разоблачениями это нельзя считать. Банно секретарю райкома при доме построили за счет райкомхозовских средств. Эка невдале по нашим нравам! Тем более дом двухквартирный, коммунальный. Но в райцентре нет даже плохонькой гостиницы, а общественная баня и тесна, и ветха.

Премию за кукурузу Сысуев получил. За участие района в областной научно-производственной системе. Всю жизнь секретари райкомов такие премии получали — за партийное руководство сельским хозяйством. От этих систем, а сколько по области таких аграрно-политических игр — «кукуруза», «рапс», «корнеплоды» — колхозам ни тепло, ни холодно, но премии полагались.

Раньше все в кабинетах решалось, в сейфах хранилось — теперь районная газета статьи Ховрина печатает. К Сысуеву ни партийных, ни юридических претензий... Но суд народный! Ни в депутаты областного совета, ни в председатели районного совета он не прошел. По правилам игры из секретарей предстояло уходить. Ушел. Однако принцип ротации кадров уже не действовал. В Куйбышев его не забирали, в областных организациях места не нашлось. Пришлось в Шигонах оставаться главным налоговым инспектором. Такого еще не было, чтобы хозяин района, ничем не провинившийся против Системы, исправно выполнявший все указания, в расцвете сил был оставлен без попечения.

Первым секретарем стал Бахаев, предрайисполкома. Этот гнулся да не ломался. И за баню ответственность нес — в одном доме они с Сысуевым жили, и кукурузную премию получал — ничто его не брало. Долгие годы был начальником райагропрома — колхозные председатели и совхозные директора его своим почитали. Немолодой, с потемневшим от солнца лицом, с властной, грубоватой манерой, он был достойным противником Ховрина.

Схлестывались они не раз. Но однажды такая сшибка произошла, что весь район ахнул. Чистый детектив. Во время очередной перебранки Ховрин крикнул:

— Что с тобой разговаривать. Ты ж пьяный.

— А пошел ты...

Ховрин пошел да только вернулся через час с двумя милиционерами и предсельсовета, требуя освидетельствовать хозяина кабинета на предмет алкогольного опьянения. Представьте себе, районный нарколог засвидетельствовал опьянение.

Самое поразительное, разумеется, не в том, что Бахаев сидел на работе выпивши. Что для здорового мужика двести граммов?! Но ведь вошли же милиционеры, и врач согласился освидетельствовать не кого-нибудь, а второго человека района. Бахаев тогда был предрайисполкома. Как же исчез страх перед властью, если решились — вошли, освидетельствовали.

Бахаев, сообразив, что попал в капкан, сел в машину и за полторы сотни километров помчался в Куйбышев, откуда и привез справку об отсутствии опьянения.

И снова бюро райкома. Теперь уже Ховрина исключают из партии «за действия, порочащие звание коммуниста по отношению к А. Н. Бахаеву».

Говорят, Ховрин сказал: «Дураки, вам же восстанавливать придется». Через полгода обком восстановил его.

Председателем райсовета стал Черняев, директор бумажной фабрики. Это единственное промышленное предприятие района, если не считать молочного и хлебного заводов. Пролетарская прослойка. Вот она-то и вышла первой из партии. Причем не втихаря, абы взносы не платить, а громогласно, с политическими заявлениями половина первички во главе с секретарем билеты на стол положили.

Черняев остался. У него репутация умеренного либерала, с ним связывали надежды на обновление, очищение — не аппаратчик, ни в чем не замаран, выступал честно, толково.

Став предрайсовета, он давал интервью районке, принимал население, сидел в президиумах. Был доступен, вежлив, прогрессивен. Но главный постулат большевиков, усвоенный ими еще в 17-м — власть не дают, ее берут, — Черняев не воспринял. За ним мнение народное, но оно проявлялось лишь при выборах. За Бахаевым же — райком, колхозные председатели и совхозные директора. Бахаев для них свой, нормальный руководитель. С первых дней совещание в райкоме: «Почему снижается производство молока? Потому, что райком перестал вникать в эти дела... Главное работать, а не вести разговоры». И далее все как положено — надои, привесы, планы, сводки, накачки. Конкретный стиль руководства.

Через год Черняев подал в отставку, а Бахаев, осознав, что больше делать ставку на райком нельзя, не тот это политический механизм, сел сразу в два кресла — райсоветовское и исполкомовское.

Попробуем осмыслить происходящее. Уже в обстоятельствах борьбы за власть в районе виделось нечто небывалое, говорящее, что сама она, эта власть, сильно расшатана. Не могли не размыться волны политических страстей, плескавшихся по стране, сельский материк.

Эпизод с медицинским освидетельствованием хозяина района. Да среди его предшественников были люди, в пьяном виде машину разбиавшие, на ногах не держась, по селам ходили. Кто за это спрашивал? Под руки до машины или постели доведут да поблагодарят за то, что почтил присутствием. Теперь же газета районная подробно описывает, что показал районный нарколог, а что областной. Не может не описывать. Она и название сменила — не «Коммунист», а «Время». Одно время даже перестала быть органом райкома, только райсовета. Райком дотации не давал. Потом в ЦК опомнились — теряем рычаги воздействия на массы — выделили дотационные деньги для районок. Прошлой осенью снова стала газета слугой двух господ.

А Ховрин? Несколькими годами раньше дали б развернуться этому районному Савонароле? Из партии, с работы... В разряд местных юродивых записать, а то еще и посадить можно — мало ли упущений у директора хлебоприемного предприятия? Здесь же, когда секретарь обкома попросил начальника областного объединения хлебопродуктов снять Ховрина, тот спросил: «За что? Не могу, хорошо работает». О, времена! Чтоб пять лет назад обком затруднился снять директора мелкого районного предприятия? Звонка инструктора было достаточно.

И все же у власти Бахаев, тот же Бахаев. А вот природа его власти иная. Он получил ее не сверху, от обкома-облисполкома, как раньше, но и не от народа, разумеется, как было бы в случае прямых выборов, а, по существу, от местных нотаблей — хозяйственной верхушки района. Они все коммунисты. Районная партийная организация сократилась на двести человек за счет низов. Руководящий слой тот же. Тем не менее и этот

руководящий слой начинает мало-помалу уже не назначаться, а выбираться. Новые председатели колхозов, сельсоветов выбирались из нескольких кандидатов, и какая при этих выборах шла борьба — сюжет особый.

Демократический процесс — словно дождь на пересохший песок — впитывается, уходит вглубь, но постепенно-таки пропитывает, промачивает-таки почву.

И Бахаев, думается, не тот, что раньше. Сшибка с Ховриным, борьба с Черняевым, многочисленные выборные баталии для него даром не прошли. Человек он неглупый, выводы сделал. А вот сумеет ли дальше перестраиваться, уцелеть в грядущих баталиях, ответить за ухудшающиеся дела в районе или окажется фигурой переходной — время покажет.

Во всяком случае, плевать на низы и тянуться перед верхами, как раньше, теперь уже нельзя. Никто от ответственности тебя не уведет, не передвинет в нужный момент в сторону или на повышение.

Впрочем, и раньше никто из начальников в полном смысле слова хозяином себя не чувствовал. Хозяин процветает или гибнет со своим хозяйством, а твоя, колхозный или районный председатель, гибель или возвышение зависели только от воли верхов. Это ты снизу людям кажешься всемогущим хозяином, а сверху...

Дело порой доходило до курьезов, рассказывал Павлов, председатель лучшего в районе колхоза «Россия», расположенного в селе Усолье рядом с «Волжским утесом». Ночью ему позвонил Милов и велел срочно запрягать лошадь, да не как-нибудь, а в расписные сани, наборную упряжь с колокольцами, чтоб все как в старину. Гришин Виктор Васильевич, отдыхая на госдаче, захотел утром на подледную рыбалку на санях поехать. Расшибся Павлов в лепешку, но все устроил.

Едет Гришин в санях вместе со своей хозяйкой, сзади охрана, не знаю уж на чем. Беседует Гришин о жизни с ездовым конюхом. И тут лошадь хвост подняла... Животное... Не знает, кого везет.

Прощаясь с конюхом, знатный гость спросил: «А кто у вас председатель колхоза, довольны ли вы им?» Конюх дал отменную характеристику.

На следующий день звонит Милову первый секретарь обкома Муравьев. Хочет. — «Знаешь, что Виктор Васильевич сказал? Неужели председатель колхоза не понимает, что лошадь нельзя кормить перед такой поездкой? Снять его».

Хорошо, что Муравьев все это со смехом. А был бы исполнительным чиновником или захотел Гришин проверить свое указание? Снял бы Павлова. Много вокруг «Волжского утеса» всяких историй ходит.

Вернемся к механизму власти. Посмотрим, как действует он в Шигонском районе. Как действовал старый механизм — понятно. Жесткие административные методы, центростремительные тенденции — и экономические, и политические, — о них шла речь выше.

Новый механизм, в сущности, еще формируется. У него вроде бы старые шестерни и винты, только располагаться они начинают по-другому, и законы движения иные, их предстоит только выявлять.

Бахаев уже не может волевым усилием снять колхозного председателя, крикнуть, как в прежние времена: «Не выполняешь планов и указаний — билет на стол!» Что же все-таки заставляет колхозного председателя, пусть со скрипом, плохо, лениво, но все же как-то выполнять планы?

Прежде всего действует многолетняя привычка подчиняться, привычка к иерархии, к определенным правилам игры. Председатель охраняет эту власть, потому что он сам ее частица. Авторитет власти и его авторитет. Быть лидером общины вольных хлебопашцев куда сложнее и, главное, непривычнее, чем современного колхоза. Да и не могут существовать никакие вольные хлебопашцы или фермеры, пока они не владеют землей, удобрениями и другими ресурсами — иными словами пока нет рынка. Перефразируя Маяковского, можно сказать: рынок и демократия — близнецы-братья, кто более матери-истории ценен? Рынок — это демократия экономическая.

Даже если бы колхозный председатель вдруг задумал выйти из повиновения, ему это не удалось бы. Живо перекрыли бы кислород. Под кислородом я подразумеваю те же ресурсы — бензин, электроэнергию, удобрения, стройматериалы, технику, — без которых хозяйство не может существовать и дня.

Как оно ни жалуется на нехватку всего самого необходимого, все же кое-что поступает по государственным каналам. Правда, дают на копейку, а требуют на рубль. Молоко еще у коровы на языке, а уже каждый литр его законтрактован: 40 процентов — продналог, за то, что пользуешься землей, дорогами и прочим общенародным достоянием, 30 процентов — госзаказ, тебе ж республика ресурсы поставляет. А теперь еще появился и так называемый терзаказ: не террористический, разумеется, а территориальный — в областные фонды изволь продать оставшиеся литры на пропитание областных городов. А область тебе, в свою очередь, продаст, что может, из продукции своих заводов.

Экономическая власть как была, так и остается — распределительной. На распределении держится. А распределение и администрирование — тоже близнецы-братья. Правда, в прежние времена распределение было более строгим. Сейчас по мере ослабления и распада административных скреп его подтачивает рыночная стихия. Стихия дикого рынка. Ибо то, что изящно называется в обиходе бартером, в сущности, — обычный натуральный обмен, практиковавшийся в эпоху феодализма. Ты мне, заморский купец, — сурьму и жемчуг, я тебе — шерсть и бычьи шкуры. Знаете, каков эквивалент «Жигулей» в Шигонском районе? 50 тонн мяса, сотня здоровых бычков.

Строит тот же Павлов свое Усолье: и меняет гречку на трубы, мясо на кирпич. Что в Воронеже найдет, что в Тюмени. Одним глазом

в бартер, другим — в терзаказ, от области тоже что-то надо. На голом бартере страшно остаться.

Постепенно и свой местный рынок начинает формироваться по мере создания кооперативов и малых предприятий. Все это, конечно, в зародыше, в миниатюре — на бумажной фабрике Черняев кирпич делает, в Малячкино один предприимчивый крестьянин железобетонные блоки начинает производить, в Новодевичьем — какие-то поддоны изготавливают, а в поселке «Волжский утес» даже обувь шьют.

Это тенденция центробежная, противостоящая центростремительному распределению, когда фонды стягиваются в один центр и оттуда — всем сестрам по серьгам — по начальственному разумению — знай мою власть. А как центробежная тенденция проявляется в сельском хозяйстве?

Центробежная сила начала выказывать себя, как говорилось выше, уже в 88-м, в лозунге «Хотим свой колхоз». Казалось бы, аргумент в пользу консерваторов. Видите, чего хочет крестьянин? — коллективно хозяйствовать. Да, были перегибы, кто ж спорит — создавали эдакие колхозно-совхозные империи на десятки километров. Поправляем. Взять то же Малячкино — чем тут не колхоз — не мелкий хутор — село на 600 дворов, компактное землепользование, название сердцу милое — «Нива».

А все же почему шигонские крестьяне захотели вернуться в свои колхозы? Местный патриотизм? Ксенофобия? Желание работать на полях предков? Все куда проще.

Помню сельский сход в Малячкино в 86-м. Худой, издерганный шофер, отец шестерых детей, рвет рубаху на груди: «Чем корову кормить? Раньше хоть немного зерна давали, теперь и соломы не выпросишь. Опоздаешь в магазин — хлеба нет, по соседям бегаешь. Ведь была же своя пекарня, зачем закрыли? И ток закрыли. Раньше хоть половы возмешь. Что вы делаете? Жить-то нам надо!»

Вот в чем секрет, а не только и не столько в ущемленном чувашском национальном чувстве (хотя и это было). Свой небольшой колхоз — значит, и зерно на заработанный рубль, и солома с поля, и возможность открыть свою пекарню, коль скоро районный завод хлеб доставляет с перебоями. Вся инфраструктура своя, и власть более близкая, чем та, что сидит за десятком километров на центральной усадьбе. Личное хозяйство вести легче, жить на своем подворье легче...

Но вот добились малячкинцы своего. На первых порах их «Нива» работала несколько лучше соседних колхозов. Да и завод-спонсор каждый год по миллиону в колхоз вкладывает — чего только не понастроил. А показатели — надой, урожаи — чуть-чуть выше, чем у других.

Был я там недавно. Колхоз как колхоз по местным меркам. И работают с ленцой, и председателей что ни год меняют. Натешили национальное чувство (кстати, о возрождении чувашской культуры,

языка, о чем кричали на сходах, пока речи нет). Жить стало несколько полегче, а в остальном все как у всех — не свое, не собственное.

Однако делается уже следующий шаг. В селе Кяхта, в обнищавшем колхозе «Новый путь» откололись шесть лучших механизаторов, свой микроколхоз — ассоциацию крестьянских хозяйств организовали. С землей, с техникой из «Нового пути» вышли. Что тут было! Сколько криков на общем собрании — помещики, кулаки! А они: «Не желаем больше лодырей кормить».

— Не передеретесь? — спросил я их председателя, бывшего главного экономиста колхоза Бурханова.

— Не должны. Все перевиты родством. Родные, двоюродные, троюродные.

Прямо тебе возврат к старым временам, к столь любезной сердцам наших почвенников идеем — большая крестьянская семья пашет на своей земле.

Есть в районе, конечно, и фермеры. Немного, с десяток, но есть. Правда, фермер фермеру рознь. В Малякино 35-летний шофер Владимир Ерофеев взял десяток гектаров под картошку и овощи, трактор ему дали с трудом, Ерофеев в одиночку на своем поле от зари до ночи! Село относится с сомнением к успеху его затеи. Даже жена, любя и жалея, считает: «Зря это он, был бы как все в колхозе...».

В Шигонах же 50-летний Владимир Косолапов начал с двух с половиной огородных гектаров под картошкой. Но с полным шлейфом техникой, с хорошими семенами. После первого урожая уже подумывает о ста гектарах пашни, найме на уборку работников, новом доме на заброшенном хуторе. За ним следит уже весь район.

— Надо же, инженер, начальник, сельхозтехникой руководил, и на тебе — землю пашет, картошку продает.

— Да ему что... При его-то связях что хочешь достанешь, в любой кабинет вхож.

Это своего рода капитализация связей и положения, которой сейчас многие аппаратчики — и партийные, и хозяйственные — занимаются. Только здесь человек на землю сел — дело чистое.

В каплё океан. Такой образ приходит в голову, когда анализируешь хронику шигонских событий последних лет. Все как в стране, масштабы крохотные, а процессы те же.

Политические страсти. Это я еще не рассказал о том, что в сельсоветах творилось. В Усолье, в чей сельсовет санаторский поселок «Волжский утес» входит, при выборах председателя — две группировки, две партии. У одной — с «Волжского утеса» — свои интересы, свой социальный статус (живут в городских домах, в закрытых магазинах все имеет-ся), у другой — крестьянской — свои проблемы.

Децентрализация власти и экономики. Ростки рынка и предпринимательства. Национальный конфликт, хотя и скрытый, приглушенный.

А экологический сюжет? Неподалеку от Малякина на юрских глинах областные власти цементный завод собрались строить. Маляч-

кинцы — в крик: не дадим природе разрушать, воздух и реки отравлять. Им — все по немецкому проекту будет, с первоклассной технологией. А они — технология немецкая, а эксплуатировать будут наши, русские. Знаем, чем это кончается. И район их поддержал специальным решением сессии райсовета. Чем не движение зеленых?

Причем каждый сюжет имеет свое развитие. Ничто не застывает, не приостанавливается в наше бурное время. Даже в правительственном санатории, этой цитадели старой власти, по заверениям его директора Астапова, — перемены. Не такой уж теперь правительственный, уверяет Астапов, 87 процентов путевок получают обычные люди. Труднее стало жить «Волжскому утесу» — импортное медоборудование не обновляется, со снабжением продуктами хуже, на самообеспечение приходится переходить. Даже стихия против него, буря размыла высокий волжский берег, на котором стоит санаторий, терренкуры повреждены. А госдача? Дом для охраны расконсервировали, там теперь — обычные отдыхающие. Сама же вилла, эта обитель богов, в последний мой приезд была необитаема, и туда меня не пустили. Последним там отдыхал перед своим уходом Лигачев.

Уезжал я в мае в Сызрань, на станцию, как в прошлые времена, на белой райкомовской «Волге», предоставленной Бахаевым. Знакомый водитель Слава — сдержанный, подтянутый, как и положено шоферам больших начальников — вез с ветерком. Просторное шоссе рассекало поля, еще свежие после сошедших снегов. Желтели посевы рапса — последней партийной игрушки, чернели пятна паров. На минуту показалось, что ничего вроде не изменилось. Но нет — изменилось, меняется и еще долго, хотя и мучительно медленно, будет меняться. Ибо если не поднимутся Шигоны, погибнут и Сызрань, и Самара, и Москва, и все мы. Должны подняться.

Май 1991 года

СОДЕРЖАНИЕ

Как возродить кулака	3
«Ныне отпускаеши...»	16
Заложники	28
Шигонские хроники	37

ЗАРАЕВ (РУМЕР) Михаил Залманович

ПРОВИНЦИЯ

Очерки

Редактор А. Ю. Болотин

Технический редактор Т. Я. Ковынченкова

Сдано в набор 18.09.91. Подписано к печати 24.10.91.
Формат 70 × 108¹/₃₂. Бумага газетная. Гарнитура «Гарамонд».
Офсетная печать. Усл. печ. л. 2,10. Усл. кр.-отт. 2,28. Уч.-изд. л. 3,26.
Тираж 80 000 экз. Зак. № 906. Цена 20 коп.

Типография издательства «Правда», 125865 ГСП, Москва, А-137, ул. «Правды», 24.

**В СЕРИИ «БИБЛИОТЕКА «ОГОНЕК»
ВО ВТОРОМ ПОЛУГОДИИ 1991 ГОДА
ВЫШЛИ СЛЕДУЮЩИЕ КНИГИ:**

- И. КОНСТАНТИНОВСКИЙ «Тайна земли обетованной»;
А. ПЛАТОНОВ «Технический роман»;
В. КАРДИН «К вопросу о белых перчатках»;
А. ВОЗНЕСЕНСКИЙ «РОССИЯ—POESIA»;
В. ТОКАРЕВА «Старая собака»;
З. ГИППИУС «Последние стихи»;
В. ЕРОФЕЕВ «Попугайчик»;
Ф. ИСКАНДЕР «Поэты и цари»;
А. ХУРГИН «Лишняя десятка»;
Н. ИЛЬИНА «Власть тьмы»;
Н. КОРЖАВИН «Письмо в Москву»;
П. СТРУВЕ «Скорее за дело!»
Л. РАЗГОН «Перед раскрытыми делами»;
Б. СЛУЦКИЙ «О других и о себе»;
Б. АХМАДУЛИНА «Побережье»;
Д. БАКИН «Цепь»;
В. СОЛОУХИН «Наваждение»;
Л. ПЛЕШАКОВ «Как трудно стать самим собой»;
Н. КЛЮЕВ «Песнь о Великой Матери»;
Б. ЧЕРНЫХ «Маленький портной»;
И. ИРТЕНЬЕВ «Елка в Кремле»;
Н. ИВАНОВА «Гибель богов»;
М. ЗАРАЕВ «Провинция»;